

Сергей Лисов

Дом напротив больницы

<https://litres.ru/74636108>

SelfPub; 2026

Аннотация

Елена Воронина всю жизнь работала медсестрой и привыкла не проходить мимо чужой беды. Когда в Каменске закрывают последний круглосуточный стационар, она наследует дом напротив больницы — тот самый, где её тётя Варвара годами бесплатно оставляла пациентов из дальних сёл. Теперь жители уверены: Елена продолжит заведённый порядок.

Но вместе с ключами ей достаются чужие ожидания, опасные ночные дежурства и ответственность, которую больница, перевозчик и район незаметно переложили на одну кухню. Брат требует закрыть дверь, взрослая дочь боится снова потерять мать среди чужих забот, а сама Елена должна решить, где заканчивается помощь и начинается подмена целой системы.

«Дом напротив больницы» — современный роман о семье, малом городе и праве заботливого человека не быть бесконечным запасом сил для всех.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Последняя ночная смена	5
Глава 2. Дом через дорогу	22
Глава 3. Автобус в пять сорок	42
Глава 4. Кровать у печки	60
Глава 5. Катина комната	79
Глава 6. Тетрадь Варвары	101
Глава 7. Дневной стационар	116
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Сергей Лисов

Дом напротив больницы

От автора

Чужая беда редко приходит в удобные часы. Иногда помощь начинается с простого поступка: дать человеку стул, чай и тёплое место до автобуса. Но если такой поступок повторяется каждый день, он становится работой — даже когда никто не назвал исполнителя, не определил предел и не спросил о согласии.

Этот роман — о медсестре, которой достался дом вместе с памятью о десятках людей, находивших в нём приют. Ей предстоит понять, где проходит граница между отзывчивостью и опасной подменой больницы, транспорта и семьи одним надёжным человеком.

Каменск, больница и герои книги вымышлены. Медицинские обстоятельства служат сюжету и не заменяют профессиональной помощи или личной консультации врача.

Глава 1. Последняя ночная смена

В половине шестого утра Елена сняла с подоконника пустую банку из-под кофе и поставила туда градусники. Банка была стеклянная, с выцветшими красными ягодами, и простояла в процедурной столько, сколько Елена себя здесь помнила. Новые электронные градусники лежали в шкафу, каждый в белом футляре, но ночью больные всё равно просили старые. Говорили, что цифрам на палочке верят больше, чем мигающему экрану.

За окном темнел дом Варвары. Он стоял через дорогу, чуть наискосок от больничных ворот. Одно окно было заклеено газетой изнутри, другое отражало жёлтый фонарь. Елене всё казалось, что сейчас в кухне вспыхнет свет, тётка отдернет занавеску и посмотрит, кто опять топчется у проходной. Но Варвару похоронили двенадцать дней назад, и окна с тех пор оставались чёрными.

В коридоре звякнул костыль.

— Воронина, ты где? — позвал дежурный врач.

Елена закрыла форточку. В процедурную сразу вернулся больничный запах: хлорная вода, спирт, тёплая пыль от батареи. В конце октября батареи жарили так, будто за стеной стоял январь.

В восьмой палате Николай Васильевич сидел на кровати в майке и одном носке. Второй носок валялся под тумбочкой.

Дежурный врач Аркадий Павлович держал его за локоть и сердился негромко, как сердятся на старую дверь, которая опять перекосилась.

— Решил сам дойти, — сказал он. — Голова закружилась.

— Я не решил, я пошёл, — возразил Николай Васильевич.

— Решают на собраниях.

Елена подняла носок, помогла ему лечь и измерила давление. Ничего страшного не произошло. Давление было привычно низким, пульс ровным. Просто человек проснулся раньше, чем принесли утку, и не захотел звать.

— Это потому, что вы кнопку сняли, — сказал он, кивнув на стену.

Кнопку вызова действительно сняли вчера. Электрик отвинтил коробочку вместе с проводом, свернул всё в бухту и унёс в подсобку нового дневного кабинета. С понедельника восьмая палата становилась комнатой отдыха персонала, а койки должны были перевезти в область.

— Сегодня ещё не сняли нас, — ответила Елена. — Сегодня можно позвать голосом.

Она сказала это шутливо, но Аркадий Павлович посмотрел на неё поверх очков. Оба услышали слово «сегодня».

К семи утра в палатах проснулись все. Последних шестерых выписывали после завтрака. Двоих забирали дети на машинах, трое уезжали рейсовым автобусом, Николая Васильевича обещал довезти племянник. На сестринском посту лежали шесть папок, шесть пакетов с лекарствами на первые

два дня и лист, приклеенный прозрачной лентой: «КРУГЛОСУТОЧНЫЙ СТАЦИОНАР ЗАКРЫТ. С 1 НОЯБРЯ — ДНЕВНОЕ ПРЕБЫВАНИЕ С 8:00 ДО 18:00».

Лист напечатали крупно, но люди всё равно наклонялись к нему, будто мелкие буквы могли сообщить что-то другое.

В семь пятнадцать пришла сменщица Лида. Она была в пуховике, под которым уже белел халат, и несла два пакета домашних яблок.

— Последняя ночь прошла без пожара? — спросила она.

— Почти. В восьмой палате попытка побега.

— Куда он побежит в одном носке?

Они улыбнулись, а потом обе посмотрели на пустой гвоздь у поста. Ещё вчера там висела доска с фамилиями ночных дежурных на ноябрь. Старшая сестра сняла её вечером и унесла. Списка больше не требовалось.

Лида разложила яблоки по тумбочкам. Елена передала ей лекарства, рассказала про давление Николая Васильевича, отметила остатки в журнале. Обычная передача смены заняла восемь минут. Необычную часть никто не начинал.

— Мой халат в шкафчике оставь, — наконец сказала Елена. — В понедельник приду в дневной.

— Оставлю.

— И кружку.

— Лен, я ничего не выброшу.

— Я не про это.

Лида пожала плечами. Она оставалась на работе, как и

Елена, только обеим сокращали по четверти ставки. Ночных часов больше не было. Санитарку Зою переводили в поликлинику, двух младших сестёр увольняли, Аркадий Павлович должен был три дня принимать здесь, два дня ездить в область. Никакого единственного утра, когда больница вдруг закончилась, не существовало. Она уменьшалась по частям: сначала кухня, потом рентген по ночам, потом хирург, теперь палаты. Поэтому каждый мог сказать, что больница работает. Поликлиника открыта. Процедуры делают. Машина скорой помощи приезжает. Только лечь человеку было уже некуда.

Елена сняла халат, сложила его в шкафчик и надела серый свитер. В кармане джинсов лежал ключ, тяжёлый и холодный. Нотариус отдал его вчера вместе с копией завещания и сказал, что для оформления дома понадобятся ещё справки. Елена почти не слушала. Она узнала ключ по длинной борозде и овальной головке. Варвара носила его на синей тесёмке, привязанной к поясу фартука.

— Ты туда сегодня? — спросила Лида.

— Надо посмотреть трубы. Миша говорит, воду перекрыть.

— Варвара зимой не перекрывала.

— Варвара жила там.

Лида помолчала и пододвинула к краю стола журнал.

— У неё мои из Верхних Лугов два раза ночевали. Мать после капельницы, потом свёкор. Я заплатить хотела, она не

взяла.

— Знаю.

— Хорошая была женщина.

Елена застегнула куртку. Эти слова теперь произносили как просьбу, хотя, возможно, Лида ничего не просила. Хорошая была женщина. Значит, не запирай дверь. Значит, сохрани кружки на полке и чистое бельё в сундуке. Значит, продолжай дело, которое никто делом не называл.

Во дворе стоял микроавтобус районной больницы. Водитель грузил коробки с постельным бельём, а завхоз считал матрасы. Один матрас не проходил в заднюю дверь. Его согнули пополам, он распрямился и ударил водителя по подбородку.

— Живой? — спросила Елена.

— Пока больницу не закроют окончательно, — ответил тот.

У ворот курили две санитарки. За дорогой дом Варвары выглядел ближе, чем из окна. Между больницей и домом помещались две полосы асфальта, канава и ряд тополей. Летом Варвара переходила сюда в тапках. Приносила укроп, пироги, иногда забытые кем-то очки. Елена ругала её за дорогу и каждый раз брала пакет.

Она дошла до калитки и не сразу вставила ключ. На цепочке висел ещё один — маленький, от навесного замка сарая. Елена провела большим пальцем по зазубрине. В детстве она думала, что получить ключ от взрослого дома озна-

чает стать взрослой. Теперь ей было пятьдесят, и ключ означал, что нужно вызвать печника, проверить проводку, заплатить налог и решить, куда деть Варварины платья.

Замок повернулся туго. В сенях пахло сухими травами, старым деревом и остывшей печью. Елена нащупала выключатель. Свет загорелся сразу.

На кухонном столе стояли четыре перевёрнутые кружки. На доньшках синим лаком были выведены буквы: «А», «Г», «П» и «С». У печи лежала охапка берёзовых поленьев, сверху — коробок спичек в блюде. Варвара подготовила дрова, прежде чем уехать в больницу, откуда уже не вернулась.

Елена сняла куртку и прошла по комнатам. В передней стояли две узкие кровати, застеленные одинаковыми коричневыми покрывалами. В большой комнате — диван и раскладушка за шкафом. На спинке стула висело чистое полотенце. Всё было устроено так, будто гости должны прийти к обеду.

Она открыла кран над раковиной. Вода сначала плюнула воздухом, потом пошла ровной струёй. Трубы не промёрзнут сегодня, но Михаил прав: оставлять пустой дом с водой нельзя. Надо или топить, или сливать. Елена достала телефон.

Брат ответил не сразу. За его голосом слышались гудки диспетчерской и чужое: «Куда пятьдесят второй ставить?»

— Ты на работе? — спросила Елена.

— Нет, на курорте. Что случилось?

— Ничего. Я в доме. Воду сегодня перекрывать?

— Я после трёх зайду. В колодце кран руками не возмёшь, нужен ключ.

— У меня ключи.

— Гаечный, Лен. Большой железный. Не тот, которым дверь открывают.

— Я понимаю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Она присела на табурет. Михаил не говорил грубо. Он говорил быстро, потому что рядом кто-то ждал ответа. Но рядом с ним Елена всегда слышала в собственных вопросах беспомощность, которой в них не было.

— Не приезжай, — сказала она. — Я попрошу Сашу-соседа.

— Саша сорвёт резьбу. Буду после трёх. Ничего до меня не крути.

— Хорошо.

— И не топи печь.

— Почему?

— Потому что дымоход никто не смотрел после весны.

Он уже собирался отключиться, но Елена успела спросить:

— У вас сегодня автобус в Заборье во сколько?

— В четырнадцать десять и в семнадцать сорок.

— Последний в семнадцать сорок?

— Был и остаётся.

— А из Каменска?

— Я про него и говорю.

— Поняла.

— Зачем тебе?

Елена посмотрела на четыре кружки.

— Так.

Михаил замолчал на секунду.

— Больница закрылась не сегодня, — сказал он. — Решение с августа лежало.

— Я знаю.

— Тогда не начинай.

— Чего не начинать?

Но он уже ответил кому-то рядом: «Пятьдесят второй на мойку, потом на Луги», — и отключился.

Елена отнесла кружки к раковине, хотя они были чистыми, и вымыла каждую. На доньшке кружки с буквой «С» обнаружилась тонкая трещина. Варвара могла выбросить её год назад. Не выбросила. Елена поставила треснувшую кружку отдельно и открыла шкаф под окном.

Там лежали крупа, чай, соль, три пачки дешёвого печенья и банки тушёнки. На дверце изнутри был приклеен листок: «Кто последний — закрывает газ. Воду на ночь не перекрывать». Почерк Варвары шёл вверх, как лестница.

Из больницы донёсся металлический грохот. Грузили кровати. Елена вышла на крыльцо.

У калитки стояла женщина в сиреневой вязаной шапке. Одной рукой она держала клеёнчатую сумку, другой — бе-

лый больничный пакет. Елена видела её утром в коридоре, но не помнила фамилии. Женщина была невысокая, лет шестидесяти пяти, в городском пальто с меховым воротником. Туфли у неё были хорошие, только для мокрого снега слишком тонкие.

— Вам кого? — спросила Елена.

Женщина посмотрела сначала на дом, потом на Елену.

— Варвару Сергеевну.

Елена спустилась с крыльца.

— Варвара Сергеевна умерла.

Женщина прикрыла рот варежкой. Так делают люди, когда не успели подобрать выражение лица.

— Господи. Я не знала. Мне в процедурной никто не сказал.

— А вы давно здесь не были?

— Весной. Она меня тогда после капельницы оставляла. Я из Заборья, Чернова Нина Андреевна.

Елена вспомнила папку с этой фамилией. Нина Чернова лежала в третьей палате, её выписали первой, ещё до завтрака. Наверное, она ходила в аптеку или ждала, пока откроется касса.

— У вас автобус в два десять, — сказала Елена.

— Был. Я не успела. В аптеке очередь, потом рецепт переделывали. Мне сказали, в пять сорок ещё один.

— Есть в пять сорок.

— Так я подожду у Варвары. Обычно ждала.

Она сказала это не требовательно, а буднично. Будто попросила показать скамейку. Елена посмотрела на больничные часы над проходной. Было без десяти десять. До автобуса оставалось почти восемь часов.

— Проходите, — сказала она. — Только я печь не могу топить, дымоход не проверен.

— Да разве холодно? Я в пальто посижу.

В доме Нина Андреевна сразу сняла туфли и поставила их под батарею. Значит, бывала здесь не один раз. Она нашла в сенях войлочные тапочки, выбрала пару, села на край кровати в передней комнате.

— А что с Варварой-то? — спросила она.

Елена рассказала коротко: сердце, скорая, область, три дня в реанимации. Нина Андреевна слушала, держа больничный пакет на коленях. Потом перекрестилась на тёмный угол, где никакой иконы не было.

— Она мне говорила: если меня не станет, Лена тут будет. Я думала, вы вместе живёте.

— Нет. У меня квартира на Школьной.

— А дом вам оставила?

— Мне.

— Значит, не чужому человеку.

Елена хотела спросить, что именно Варвара говорила и когда. Вместо этого пошла ставить чайник. В кухне шум воды заглушал всё, но слова всё равно оставались слышны: «Лена тут будет». Может быть, тётка имела в виду наслед-

ство. Может быть, помощь. Может быть, сказала это один раз, чтобы успокоить усталую женщину после капельницы. Теперь Нина Андреевна принесла эту фразу обратно, как расписку.

За чаем выяснилось, что автобус в Заборье отменили. Елена узнала об этом не от брата, а от двух школьниц, которые вошли в калитку без стука. Они искали Варвару, чтобы спросить, где ждать машину. Мать одной из них прислала сообщение: водитель заболел, замены нет, рейса в семнадцать сорок не будет.

— Откуда вы знаете, что сюда идти? — спросила Елена.

— Все знают, — ответила старшая девочка.

Она сказала это с такой уверенностью, будто дом был нарисован на расписании рядом с остановкой.

Елена позвонила Михаилу. Теперь он ответил сразу.

— Да, рейс сняли, — сказал он. — Я собирался тебе перезвонить.

— Нина Чернова у меня. Она после стационара.

— Почему у тебя?

— Пришла к Варваре ждать автобус.

— Варвары нет.

— Я ей это сказала.

— Тогда пусть звонит родным.

Нина Андреевна сидела рядом и смотрела на свои руки. Елена вышла в сени.

— У неё дочь в Вологде. Сосед без машины.

— До Заборья сорок семь километров. Наш резервный автобус повезёт людей в Верхние Луги, потом школьников из секции. В Заборье сегодня машины не будет.

— Скорая?

— Лена, скорая не такси.

— Я знаю, что скорая не такси.

— Тогда не спрашивай.

Она сжала телефон. Из комнаты было видно только край Нининой сиреневой шапки.

— Ей что, на вокзале ночевать?

— В Каменске нет вокзала.

— Спасибо, Миша. Я забыла.

— Послушай. Если ей по состоянию нельзя домой, больница не должна была выписывать. Если можно — пусть ищет попутную машину. Я дам номер диспетчерской, отметим её. Иногда грузовая «газель» из Заборья возвращается после семи.

— А если не вернётся?

— Не знаю.

Это «не знаю» разозлило Елену сильнее отказа. Михаил всегда знал расписание, фамилии водителей, номера машин, время пересадок. Его незнание выглядело как решение не помогать.

— У Варвары люди ночевали, — сказала она.

— Варвара умерла, Лен.

— Я помню.

— Нет. Ты сейчас как раз делаешь вид, что не помнишь.
Елена отключилась.

Нина Андреевна услышала достаточно. Она уже надевала туфли.

— Я в поликлинике посижу, — сказала она. — Там до вечера тепло. А потом, может, кого найду.

— Поликлинику в восемь закрывают.

— До восьми ещё далеко.

— Оставайтесь здесь.

— Нет, зачем. Дом теперь ваш. Вы после смены, вам отдыхать надо.

Елена посмотрела на две застеленные кровати. Чистое бельё было в шкафу, вода шла, газ работал, батареи оставались тёплыми. Никакой причины выгонять Нину Андреевну не существовало, кроме той, что назвал Михаил и которую Елена не хотела признавать причиной: Варвары больше нет.

— Сегодня оставайтесь, — сказала она. — Один раз. Утром будет автобус в пять сорок.

— Я и на стуле могу.

— На кровати ляжете. Только если плохо станет, сразу говорите. Я не на работе, и это не больница.

— Да что со мной станет? Мне только уколы делали.

Нина Андреевна снова сняла туфли. Елена позвонила Лиде и спросила, не оставили ли в выписке новых назначений. Лида прочла по бумаге: обычные таблетки, ограничение нагрузки, наблюдение в поликлинике по месту жительства. Ни-

каких причин оставлять женщину в стационаре не было.

— Она у тебя? — спросила Лида.

— До утреннего автобуса.

— Ну и хорошо. А то я всё думала, куда её денут.

Сказано было с облегчением. Один человек перестал быть задачей больницы и тут же стал задачей Елены. Между этими двумя состояниями не понадобилось ни подписи, ни звонка начальству, ни решения диспетчера. Хватило открытой калитки.

После трёх пришёл Михаил с большим железным ключом и пакетом продуктов. Увидев туфли под батареей, он остановился в сенях.

— Значит, договорились, — сказал он.

— На одну ночь.

— Конечно.

Нина Андреевна вышла поздороваться. Михаил сразу сменил лицо, спросил о самочувствии, записал её фамилию и свой номер на обороте автобусного билета. Объяснил, что утром остановку перенесли к рынку из-за дорожных работ, и пообещал предупредить водителя. Он был вежлив и полезен именно настолько, чтобы Елена не могла назвать его бессердечным.

Потом они вместе спустились к колодцу. Михаил посветил телефоном на трубу, попробовал вентиль и выпрямился.

— Сегодня не перекрываем, — сказал он. — Раз ночуют.

— Ночует одна женщина.

— Одна женщина тоже пьёт воду.

— Миш.

— Что?

— Не начинай.

Он усмехнулся без радости. Получалось, они обменялись одной и той же просьбой.

— Я принёс хлеб, яйца и молоко, — сказал он. — Не потому, что одобряю. Потому что человек уже здесь.

— Я верну деньги.

— Не надо. Лучше завтра закрой дом.

— Завтра посмотрим.

— Вот этого я и боюсь.

Он ушёл до темноты. Елена проводила его до калитки, вернулась и впервые заперла дверь Варвариным ключом изнутри.

Вечером они с Ниной Андреевной ели яичницу. Та рассказывала про Заборье: магазин открывается через день, фельдшер ушла в декрет, в бывшем правлении поселилась семья из области. Варвару она знала девять лет. Ночевала у неё четыре раза, дважды оставляла деньги под сахарницей и однажды привозила мешок картошки.

— Она деньги находила и ругалась, — сказала Нина Андреевна. — А картошку взяла. Картошка вроде не плата.

— А что?

— Благодарность.

Елена вымыла тарелки. На часах было девять. После ноч-

ной смены глаза резало, руки стали тяжёлыми, но лечь в Варварину кровать она не могла. Постелила себе на диване в большой комнате, оставив дверь в переднюю открытой.

— Елена Викторовна, — позвала Нина Андреевна, когда свет уже погасили. — А завтра вечером можно будет Марье Фёдоровне у вас подождать? У неё в четверг процедуры. Она из наших.

Елена лежала поверх одеяла и смотрела на полоску света из сеней. Над дверью тикали часы. Каждый удар отдавался в пустом шкафу.

— Завтра я воду перекрою, — ответила она.

— Понятно. Я просто спросила.

Через несколько минут Нина Андреевна задышала ровно. Елена встала, прошла на кухню и проверила газ. Потом проверила входную дверь. Потом заглянула в переднюю, убедилась, что женщина спит на боку, а больничный пакет стоит рядом с кроватью.

На кухонном столе лежал Варварин листок: кто последний — закрывает газ. Елена отлепила его от дверцы, но выбросить не смогла. Положила под сахарницу, где благодарные люди когда-то оставляли деньги.

Через дорогу в больнице гасили окна. Сначала погасла восьмая палата, потом шестая, потом коридор. Дольше всех светился сестринский пост. Наконец осталась одна лампа над крыльцом.

Елена стояла у Варвариною окна с ключом в ладони.

Она впустила человека на одну ночь. Завтра Нина Андреевна уедет первым автобусом, Михаил перекроет воду, и дом останется домом. В этом решении не было ничего большого, опасного или окончательного.

За стеной скрипнула кровать. Елена сразу обернулась и пошла проверить, не понадобилась ли помощь.

Глава 2. Дом через дорогу

Будильник прозвенел в пять десять, но Елена уже не спала. Всю ночь дом отзывался на ветер незнакомыми звуками. В квартире на Школьной она знала, как гудит холодильник, когда включается насос в подвале и кто из соседей хлопает дверью в половине седьмого. Здесь дерево потрескивало само по себе, под полом шуршало, а ветка яблони раз в несколько минут скребла по водостоку.

Нина Андреевна спала тихо. Елена умылась на кухне, вскипятила чайник и сварила два яйца. Когда она стала резать хлеб, гостья появилась в дверях уже одетая, в сиреневой шапке и пальто.

— Вы бы ещё полежали, — сказала Елена. — До автобуса сорок минут.

— Я лучше заранее. Вдруг остановка опять переедет.

Они ели молча. Нина Андреевна положила яйцо в карман пальто, отказалась от второго бутерброда и трижды поблагодарила. Перед выходом она достала из кошелька сложенную пятисотенную купюру.

— Уберите, — сказала Елена.

— За продукты и тепло.

— Дом и так отапливался.

— Тогда за хлопоты.

— Не надо.

Нина Андреевна не спорила. Сложила деньги ещё раз, спрятала в кошелёк и взяла сумку. На автобусной остановке они были первыми. Фонарь над рынком мигал, павильон пах мокрой фанерой. Через десять минут подошёл школьник с рюкзаком, потом женщина с двумя пустыми молочными банками.

Автобус появился без опознавательных огней, только табличка за стеклом сообщала: «Заборье». Водитель открыл дверь, назвал Елену по имени и кивнул на Нину Андреевну.

— Михаил предупредил. До дома довезу, если дорогу не развезло.

— Там остановка у магазина, мне три дома, — сказала Нина Андреевна.

Она поднялась на ступеньку, повернулась и вдруг обняла Елену одной рукой. От её пальто пахло аптекой и печным дымом, которого в доме не было.

— Варвара бы радовалась, — сказала она.

Елена не успела ответить. Дверь закрылась, автобус выбросил серое облако и покатил по пустой улице.

Дом встретил её теплом. Пока она ходила на остановку, батареи нагрелись сильнее, и в передней стало душно. На кровати, где спала Нина Андреевна, покрывало было аккуратно натянуто до металлической спинки. Под подушкой лежала пятисотенная купюра.

Елена постояла над ней, затем отнесла деньги на кухню и положила под сахарницу. Варварин листок уже лежал там.

Получилось, будто дом сам принимал плату независимо от решения хозяйки.

В семь позвонила Катя.

— Мам, ты уже дома?

— В доме.

— В каком?

— У Варвары.

— Ты там ночевала?

Елена открыла форточку.

— Поздно закончила разбирать вещи.

Она не собиралась лгать. Просто не хотела рассказывать о Нине Андреевне в первые же две минуты. Катя начинала волноваться быстрее, чем успевала понять, чего именно боится, а потом звонила из области так, будто расстояние можно перекричать.

— Там отопление работает? — спросила дочь.

— Работает.

— А проводка? Миша смотрел?

— Миша придёт сегодня.

— Не оставайся одна, пока не посмотрит. Дом старый.

— Катюш, я пятьдесят лет прожила без твоего разрешения включать чайник.

— Вот поэтому и говорю. Ты столько лет всё делаешь сама, что уже не замечаешь, когда можно позвать человека.

Елена улыбнулась. В другое утро эта фраза показалась бы заботой. Сейчас она прозвучала почти как насмешка.

— Как ты? — спросила она.

— Нормально. Тошнит от запаха кофе, зато хочется солёных огурцов. Врач говорит, всё в пределах нормы.

— Давление мерила?

— Мам.

— Один вопрос.

— Сто пятнадцать на семьдесят. Я записала. Ты приедешь в субботу?

— Если не поставят смену.

— У тебя же теперь ночных нет.

— Ночных нет. Дневные есть.

— В субботу обсудим дом. Можно продать и взять тебе квартиру поближе ко мне. Маленькую, но новую.

Елена посмотрела в окно. Через дорогу открылась дверь больничного корпуса. Санитарка Зоя вынесла два чёрных мешка и поставила у крыльца.

— Дом ещё не оформлен.

— Я не тороплю. Просто подумай.

— Подумаю.

После разговора Елена нашла в сенях веник и сталамести. Никакой необходимости в уборке не было: пол оставался чистым после похорон. Но ей нужно было пройти каждую комнату и понять, что именно досталось вместе со стенами.

В нижнем ящике шкафа лежали четыре комплекта постельного белья. Каждый был перевязан отдельной лентой. Между простынями Варвара вложила бумажки: «одна ночь»,

«после уколов», «мужское», «тёплое». Елена развернула «тёплое» и нашла байковую простыню, два пододеяльника и шерстяные носки разных размеров.

В тумбочке у первой кровати стояла коробка с мылом, зубными щётками и маленькими тюбиками пасты. В другой лежали зарядные устройства для старых телефонов, кнопочный аппарат без батареи, фонарик и три пары очков. На каждой дужке была приклеена полоска бумаги с фамилией.

Елена перенесла всё на стол. Сначала предметы казались случайными остатками чужих ночёвок. Потом она увидела порядок. Варвара не просто пускала людей поспать. Она хранила запас белья, средства для умывания, носки, номера родственников, забытые вещи. На стене за календарём обнаружилась розетка с тройником, возле неё карандашом было написано: «Телефоны — сюда».

Под кроватью стоял эмалированный таз. На ручке — полотняная петля, чтобы человек со слабыми руками мог его поднять. Елена села на корточки и провела пальцем по ободку. Чистый. Всё чистое, выстиранное, подписанное, готовое.

Варвара называла это «пусть переночуют». Так же легко, как Нина Андреевна назвала картошку благодарностью. У каждого предмета было простое объяснение, но все вместе они составляли работу, для которой понадобился бы отдельный человек.

В дверь постучали и сразу открыли.
— Варя? — позвал мужской голос.

Елена вышла в переднюю. На пороге стоял Александр Петрович, сосед слева. В руках он держал пластиковое ведро с крышкой.

— Лена, ты? — спросил он без удивления. — Я думал, Варя вернулась.

— Куда вернулась?

Сосед стянул кепку.

— Не так сказал. Привычка. Молока принёс.

— Нам вчера сказали, что корова у вашей дочери.

— Там и есть. Она мне даёт, я Варе носил. Теперь тебе.

Елена взяла ведро только потому, что держать его на вытянутой руке было неудобно.

— Столько мне не нужно.

— Там литра два. Нине хватит кашу сварить.

— Нина уехала.

— Хорошо. А следующая когда?

Он спросил, как спрашивают про автобус. Елена поставила ведро на пол.

— Следующей не будет.

— Это правильно. Надо хоть неделю прибраться, понять, что к чему. Варя тоже после похорон никого три дня не брала.

— Я не про неделю.

Александр Петрович переступил с ноги на ногу. На нём были резиновые сапоги, облепленные мокрой землёй.

— Так дом продавать будете?

— Не решила.

— Жалко. Удобный дом. От больницы рукой подать.

— Для кого удобный?

— Для всех. И тебе до работы. Я не лезу, Лена. Твой дом

— твоё дело. Только люди спрашивать будут.

— Какие люди?

— Разные.

Он посмотрел мимо неё на застеленную кровать.

— Молоко в холодильник поставь. Ведро потом заберу.

Когда дверь закрылась, Елена повернула ключ. Через минуту кто-то дёрнул ручку снаружи.

— Заперто, что ли? — удивился женский голос.

Елена открыла. На крыльце стояла полная женщина в зелёной куртке, за ней — худой мужчина с велосипедом. Обоих Елена знала в лицо, но имён не помнила.

— Мы к Варваре, — сказала женщина, потом увидела траурную ленту на фотографии в передней и осеклась. — Ой. Простите. Мы на поминках были, я просто с головы выпустила.

— Что вам нужно?

Женщина порылась в кармане и достала ключ.

— Вернуть. Варвара давала, когда у Григория ногу оперировали. Мы поздно приезжали, она уже спала, чтобы не будить.

Ключ был похож на Еленин, только головку обмотали красной изолентой.

— А вы кто?

— Кругловы. Тамара и Григорий. Мы из Верхних Лугов, сейчас к дочери переехали. Услышали, что дом вам оставили, решили занести.

Мужчина снял руку с велосипедного руля.

— Мы ничего не брали, — сказал он.

— Я не спрашивала.

— Так я на всякий случай.

Тамара протянула ключ. Елена положила его на ладонь рядом со своим. Борозды были одинаковые.

— Сколько таких ключей? — спросила она.

— Не знаю. Варвара не каждому давала.

— А кому?

Тамара задумалась.

— У Синицыных был. У Любы Ковалёвой, наверное. Она бельё стирала. Может, у фельдшерицы из Заборья.

— Зачем фельдшерице ключ от частного дома?

— Чтобы людей оставить, если Варвара в магазин ушла.

Елена почувствовала, как холод от металлических ключей расходится по ладони.

— Больных оставляли без хозяйки?

— Не больных, — быстро сказала Тамара. — Выписанных. Или тех, кто на обследование приехал. Они же сами ходили.

— А если человеку становилось плохо?

— Звонили через дорогу. Там больница была.

Последнее слово прозвучало не громче остальных, но Елена услышала его отдельно. Была.

Кругловы ушли. Елена положила второй ключ на блюдце у телефона. Потом снова взяла и проверила замок. Ключ под-
ходил.

Она позвонила Михаилу.

— Ты знал, что ключи от дома у чужих людей?

— Знал, что у Саши есть. На случай печки.

— Не только у Саши. Кругловы сейчас вернули. Говорят, ещё у Синицыных, Ковалёвой и фельдшерицы.

— Поменяй личинку.

— Я не про замок.

— А я про него. Дом теперь твой. До оформления всё равно отвечаешь ты.

— Они входили, когда хотели.

— При Варваре.

— И сейчас входят. Саша открыл дверь без стука.

— Поэтому поменяй личинку.

Елена прошла к окну. У больницы снова стоял микроавтобус. Двое мужчин выносили тумбочки.

— Ты можешь сегодня купить замок?

— Могу. После смены.

— Ты вчера говорил воду перекрыть.

— И сегодня говорю.

— А отопление?

— Если воду сольём, отопление тоже отключим. Или

оставляй минимум и плати.

— Сколько?

— Не знаю. Надо посмотреть счётчик.

Елена услышала собственный вздох.

— Что? — спросил Михаил.

— Ничего.

— Лен, дом — это не ключ. Его нельзя положить в сумку и забыть.

— Спасибо. Очень вовремя объяснил.

— Я приеду в четыре с замком.

До четырёх оставалось шесть часов. Елена решила разобрать только кухню, потом уйти в свою квартиру и поспать. Она вылила молоко из ведра в банки, протёрла полку холодильника, выбросила засохший лимон. За банкой варенья обнаружила пузырёк с нитроглицерином.

Срок годности не закончился. Елена машинально проверила упаковку, затем положила пузырёк на стол. В аптечке над холодильником нашлись бинты, йод, жаропонижающее, таблетки от давления, два шприца в закрытых пакетах и ампулы, которые должны храниться при другой температуре. На дверце Варвара записала номера скорой, поликлиники и Елены.

Елена собрала лекарства в пакет. Это следовало отнести в больницу и сдать на утилизацию. Никакой домашней аптечки для приезжих здесь не будет.

Стук раздался около одиннадцати. На этот раз дверь оста-

лась запертой.

— Кто там?

— Любовь Петровна. Я бельё принесла.

Женщина за дверью держала стопку выглаженных простыней. Елена узнала её: уборщица из районной администрации, маленькая, седая, с красными от горячей воды руками.

— Это Варварино, — сказала Любовь Петровна. — У меня осталось после стирки.

— Вы Ковалёва?

— Ковалёва. А что?

— У вас есть ключ?

Женщина прижала бельё к груди.

— Есть. Я вернуть хотела, да всё забывала.

— Принесите, пожалуйста.

— Конечно. А бельё куда?

— Давайте сюда.

Любовь Петровна прошла в переднюю, положила простыни на кровать и разгладила верхнюю ладонью.

— В больнице прачечную закрыли давно, Варя дома стирала, — сказала она. — Потом машинка сломалась, стала мне отдавать. Я бесплатно, между прочим.

— Почему бесплатно?

— Она тоже денег не брала. С кого брать? С пенсионеров?

— Вода и порошок стоят денег.

— Ну и что? У меня машинка всё равно крутится.

Елена развернула верхнюю простыню. В углу была выши-

та буква «В».

— Сколько комплектов вы стирали?

— Когда как. Два, три в неделю. Зимой больше.

— А летом?

— Летом люди на скамейке у больницы ждали, если тепло.

Но ночевали тоже.

— Кто решал, кого сюда отправить?

Любовь Петровна пожала плечами.

— Никто не решал. Знали и приходили.

— В больнице давали адрес?

— Может, кто и давал. Варя не жаловалась.

— Это не ответ.

Женщина обиделась.

— А я на допросе? Вы спросили про ключ — принесу.

Только Варвара людям не считала, сколько воды ушло. Потому её и уважали.

— Я тоже не считала.

— Вы только что сказали, что всё стоит денег.

Любовь Петровна ушла, не попрощавшись. Простыни остались на кровати, белые и ровные, как упрёк.

Елена легла на диван, не раздеваясь. Сон не приходил. За стеной хлопала соседская калитка, на дороге проезжали машины, у больницы кто-то кричал грузчикам. Через полчаса зазвонил домашний телефон.

Елена нашла аппарат на маленьком столике в коридоре. Номер высветился незнакомый.

— Дом Варвары Сергеевны? — спросил мужской голос.

— Это частный номер.

— Мне Василий дал. У меня мать в понедельник на обследование, автобус обратно только во вторник. Можно место занять?

— Нет.

— Всё занято?

— Здесь не гостиница.

На том конце помолчали.

— Я знаю. Мы заплатим.

— Нельзя. Варвара Сергеевна умерла.

Мужчина извинился и отключился. Через пять минут телефон позвонил снова. Елена сняла трубку и услышала пожилой женский голос:

— Варенька, это я. У меня автобус отменили.

Елена положила трубку, не дослушав. Потом выдернула провод из розетки.

Тишина стала густой, но не спокойной. Дом продолжал принимать чужие просьбы даже после смерти хозяйки. Адрес знали в сёлах. Номер передавали из рук в руки. Бельё стирала одна женщина, молоко приносил сосед, ключи хранились у семей, фельдшерица могла открыть дверь для приезжих. Никто не командовал этой сетью. Поэтому никто и не отвечал за неё целиком.

В половине второго вернулась Любовь Петровна. На крыльцо она не поднялась. Позвонила в дверь и протянула

ключ через перила.

— Вот.

— Подождите. Я не хотела вас обидеть.

— А я не обиделась.

— Обиделись.

— Вы хозяйка, вам решать.

Елена взяла ключ. На головке белой краской была выведена буква «К».

— Кто ещё может принести? — спросила она.

Любовь Петровна поправила платок.

— У Синицыных точно есть. У Тамары был, но она, наверное, вернула. У Светланы из Заборья.

— Фельдшерицы?

— Она сейчас в декрете. Может, ключ у сменщицы.

— Получается четыре, кроме соседского.

— Наверное.

— Варвара записывала, кому давала?

— Варя всё записывала. У неё тетрадь была. Толстая, зелёная.

— Где?

— В буфете или под телевизором. Я не рылась.

Любовь Петровна ушла. Елена заперла дверь и стала искать тетрадь.

В буфете были рецепты, квитанции и открытки. Под телевизором — программа передач за прошлый месяц и конверт с фотографиями. Елена перебрала два ящика стола, загля-

нула в шкаф, подняла подушки на диване. Зелёной тетради не нашла.

Зато в ящике у телефона обнаружила связку запасных ключей с картонной биркой: «Дом — 5 штук». На кольце осталось одно пустое отверстие и один ключ. Четыре Варвара раздала. Соседский, вероятно, был сделан отдельно.

Елена положила рядом возвращённые ключи Кругловых и Ковалёвой. Три одинаковых металлических языка лежали на столе. Ещё два гуляли по району, если считать Синицыных и фельдшерицу. Александр Петрович жил за забором со своим.

В четыре Михаил приехал с новым цилиндром для замка. Он снял куртку, разложил отвёртки на газете и за десять минут вынул старую личинку.

— Хорошая была, — сказал он. — Ещё бы служила.

— Поставь обратно.

Михаил перестал крутить винт.

— Почему?

— Я хочу сначала собрать все ключи.

— Зачем?

— Чтобы понять, у кого они.

— Можно понять и поменять замок.

— Тогда люди придут, попробуют открыть и решат, что я от них закрылась.

— Ты именно от них и закрываешься.

— Я закрываю дом, а не от людей.

— Это одна и та же дверь.

Елена посмотрела на него. Михаил сидел на корточках у замка, в рабочем свитере, с отвёрткой в руке. В таком положении он был похож на мальчика, который чинил защёлку в их старой квартире, пока мать кормила чужого лежащего соседа.

— Я не могу сделать вид, что ничего не было, — сказала она.

— А я не прошу делать вид. Я прошу поменять замок.

— Один человек вернул ключ сам. Вторая принесла бельё. Я узнаю, кто ещё участвовал.

— И что потом? Соберёшь собрание?

— Может быть.

Михаил поднялся.

— Пока ты выясняешь историю каждого ключа, любой может войти.

— Я буду запираюсь изнутри.

— А когда уйдёшь?

— Заберу лекарства и документы.

— Лена, здесь не документы главное.

— А что?

— То, что утром ты уже сварила кому-то завтрак. К обеду считаешь бельё. К вечеру собираешь ключи. Ты даже вещи Варвары не разобрала, а уже приняла её смену.

— Это был один завтрак.

— Я знаю. Всё начинается с одного.

Елена взяла со стола новую личинку и вложила ему в ладонь.

— Положи в ящик. Я скажу, когда менять.

Михаил хотел возразить, но только сжал губы. Старый цилиндр вернулся на место.

Они спустились к водяному колодцу. Михаил перекрыл ввод, потом открыл кран в кухне. Вода бежала всё слабее, пока не превратилась в редкие капли.

— Отопление оставим на минимуме до оформления, — сказал он. — Иначе сырость пойдёт. Счётчик сфотографируй сегодня и через неделю.

— Хорошо.

— Ночевать больше никто не сможет. Без воды.

— Я понимаю.

Он посмотрел на неё так, будто хотел проверить значение слова.

Перед уходом Михаил забрал пакет с лекарствами, чтобы отнести в больничную аптеку. Елена осталась одна. Она сняла простыни с обеих кроватей, сложила в шкаф и накрыла матрасы покрывалами. Эмалированный таз унесла в сарай. Зубные щётки выбросила. Чужие очки положила в коробку, чтобы потом найти владельцев.

К шести дом стал выглядеть пустым. Не жилым, но и не готовым принимать людей. Елена выключила холодильник, забрала банки с молоком и хлеб, проверила газ. На столе оставались три ключа и бирка «Дом — 5 штук».

В калитку постучали, когда она уже надела куртку.

За воротами стоял Александр Петрович. Рядом с ним была незнакомая пожилая женщина с клетчатой сумкой.

— Это Анна Семёновна, — сказал сосед. — Ей завтра к восьми на анализы. Из Верхних Лугов приехала последним автобусом. Я сказал, ты разберёшься.

Елена не открыла калитку.

— Почему вы так сказали?

— А куда ей? Автобус обратно утром не успевает, только завтра вечером.

— Пусть едет к родственникам.

— Нет у неё здесь родственников.

Женщина молчала и смотрела в землю. На её резиновых сапогах засохла светлая глина.

— В доме перекрыта вода, — сказала Елена.

— Я ведро принесу, — ответил сосед.

— Дело не в ведре.

Александр Петрович нахмурился.

— Ты же вчера женщину оставила.

— Вчера отменили автобус после выписки. Это было один раз.

— Какая разница? Эта тоже человек.

Елена посмотрела на Анну Семёновну. Та сжала ручки сумки. Разница существовала: вчера Елена не знала, что решение услышат другие; сегодня знала. Вчера дверь открылась из жалости к конкретной женщине; сегодня её откры-

вали уже как положенное место.

— Разница в том, что я не давала согласия принимать людей, — сказала Елена. — И дом не ночлежка.

— Варвара не называла его ночлежкой.

— Я тоже не называю. Я говорю, что Анна Семёновна здесь не останется.

Сосед покраснел.

— Тогда сама объясняй, куда ей.

— Объясню.

Елена открыла калитку, вышла и заперла её снаружи. Анне Семёновне она предложила дойти вместе до поликлиники: там до восьми работал дежурный администратор, который мог перенести анализы на время после первого автобуса. Если перенести нельзя, Елена собиралась позвонить в социальную гостиницу при храме. Там было четыре места, и она не знала, свободны ли они.

— Я заплачу, — тихо сказала женщина.

— Не в деньгах дело.

— Все так говорят, когда не хотят брать.

Елена понесла её клетчатую сумку. Александр Петрович остался у калитки.

В поликлинике анализы перенесли на десять утра без всякого спора. Анна Семёновна позвонила знакомой продавщице, у которой когда-то снимала угол дочь, и та согласилась пустить её на ночь. На всё ушло двадцать минут.

— Вот видите, — сказала Елена на крыльце.

— Вижу, — ответила женщина. — Только к Варваре проще было.

Она ушла вместе с продавщицей, и Елена осталась перед тёмным больничным корпусом. Через дорогу горел фонарь над её калиткой. Дом казался пустым, но Елена теперь знала. Пустым его считала только она. Для остальных там по-прежнему стояли кровати, грелась вода и кто-то ждал звонка.

Она вернулась, сняла бирку со связки и записала на обороте: «Кругловы — вернули. Ковалёва — вернула. Синицыны — узнать. Светлана, Заборье — узнать. Александр Петрович — отдельный».

Потом положила записку под сахарницу рядом с Варвариным правилом и Ниниными деньгами.

Новый замок лежал в ящике стола. Елена закрыла старый на два оборота, дёрнула ручку и ушла ночевать в свою квартиру.

Глава 3. Автобус в пять сорок

В понедельник Елена пришла в больницу без десяти семь и впервые за двадцать шесть лет не поднялась на второй этаж.

На двери лестничной площадки висел новый лист: «Проход закрыт». Под ним темнели две дырки от прежней таблички с часами посещений. Санитарка Зоя мыла ступени только до поворота, а выше стояли сложенные друг на друга тумбочки. Елена задержалась у перил, словно наверху ещё мог кто-то позвать, потом пошла в бывший процедурный кабинет первого этажа, отведённый дневному стационару.

В комнате поставили шесть кресел с высокими спинками и две кровати. Кушетку за ширмой оставили для тех, кому становилось дурно после капельницы. На подоконнике лежали папки с назначениями, у раковины — коробки перчаток. Всё нужное имелось, но пространство выглядело временным: розетки тянули удлинителями, штативы приходилось ставить между коленями пациентов, а дверь открывалась прямо в общий коридор.

Лида уже раскладывала системы.

— Трое с первого автобуса сидят, — сказала она. — Регистратура ещё закрыта, вот они у гардероба. Один из Заборья, двое из Прудков.

— Их на восемь записали?

— Заборского на девять. Он говорит, другим автобусом не добраться.

Елена сняла куртку, переобулась и вышла в коридор. На скамье сидели двое мужчин и женщина с платком поверх шапки. У ног стояли пакеты с едой. До приёма оставался час, но ждать в тёплом коридоре было можно. Елена назвала фамилии, проверила направления и попросила не расходиться.

— А вечером когда освободимся? — спросил мужчина из Заборья.

— У вас капельница на час. Если анализы готовы, к одиннадцати.

— Тогда на двенадцатичасовой успею.

Женщина из Прудков посмотрела в своё направление.

— Мне врач после процедуры нужен. Талон на четыре.

— Почему на четыре?

— Других не было. Сказали, посижу.

— Последний автобус у вас во сколько?

— В пять сорок от рынка. Если врач вовремя примет, добегу.

От больницы до рынка было двенадцать минут быстрым шагом. Женщина ходила с палкой. Елена взяла направление и увидела штамп кардиолога. Приём перенести она не могла, но могла предупредить регистратуру, чтобы пациентку не задерживали после назначенного времени.

К восьми коридор заполнился. Новая заведующая, Алла Борисовна, собрала сотрудников у процедурной и ещё раз

перечислила правила. Приём с восьми до восемнадцати, последнее введение лекарства начинать не позднее пяти, после шести пациентов в отделении быть не должно. Если человеку требовалось круглосуточное наблюдение, врач направлял его в область. На ночь никого не оставляли даже «до первого автобуса».

— Родственникам сразу говорите, — добавила Алла Борисовна. — Мы не гостиница и не вокзал. У кого транспорт — их ответственность.

Последнюю фразу она произнесла, глядя в журнал, но Елена слышала её как обращённую лично к себе.

— А если процедура назначена на время, после которого транспорта нет? — спросила она.

— Регистратура должна учитывать место жительства.

— Не учитывает. У женщины из Прудков врач в четыре, автобус в пять сорок.

— Один случай разберём. Общую задачу я сейчас не решу.

Лида потянула Елену за рукав: пора было ставить первую систему. Разговор закончился там, где обычно заканчивались подобные разговоры, — возле слова «общая».

До обеда Елена почти не выходила из кабинета. Она проверяла фамилии на флаконах, измеряла давление, помогала человеку с больными пальцами расстегнуть рукав, объясняла, почему нельзя ускорить капельницу. Пациенты сменялись, а пакеты с едой оставались под креслами. Те, кто при-

езжал из сёл, приносили с собой день целиком: хлеб, варёные яйца, воду, запасные носки, таблетки на вечер. Горожане приходили с телефоном и ключами, будто вышли в магазин.

Женщину из Прудков звали Валентина Ефимовна. После процедуры она не ушла. Сидела в коридоре, положив обе руки на набалдашник палки, и каждые полчаса спрашивала время.

В половине четвёртого кардиолог позвонил в регистратуру: его задержали в приёмной комиссии, приём сдвигался минут на сорок.

— Я не успею, — сказала Валентина Ефимовна.

— Попрошу принять вас первой.

— До рынка всё равно не дойду. Там подъём.

Елена позвонила Михаилу с поста.

— Последний на Прудки действительно в пять сорок?

— По будням.

— Можно его задержать на десять минут?

— Нельзя.

— Ты даже не спросил фамилию.

— Фамилия расписание не меняет.

— Женщина после капельницы и кардиолога. Врач опаздывает. Ей двенадцать минут до рынка, она с палкой.

— Пусть садится на городской у поликлиники в пять двадцать. На рынке будет в пять тридцать две.

— Если городской придёт вовремя.

— Если не придёт, звони.

— А нельзя последний рейс сделать хотя бы в шесть?
В трубке зашуршала бумага.

— Лена, я сейчас диспетчерскую держу. Про один рейс вечером поговорим.

Кардиолог приехал в четыре сорок. Валентину Ефимовну приняли первой, но из кабинета она вышла только в пять двенадцать с новым назначением и направлением на обследование. Елена уже стояла с её сумкой.

— Пойдёмте на остановку. Городской через семь минут.

Они спустились по пандусу. Валентина Ефимовна старалась идти быстро, от этого палка ударяла в асфальт неровно. На остановке ждали школьники второй смены и две женщины с колясками. Автобус появился в пять двадцать семь.

— До рынка десять минут, — сказал водитель, увидев белый халат под Елениной курткой. — Если переезд не закроют.

Елена помогла Валентине Ефимовне подняться и попросила школьника уступить место. Сама осталась на остановке. Через три минуты позвонила Михаилу.

— Городской ушёл. Скажи водителю Прудков, чтобы посмотрел, села ли женщина с палкой.

— Скажу.

— И если нет?

— Тогда выясним, где она.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

В шесть без пяти Михаил перезвонил. Валентина Ефимовна успела. Водитель видел, как она пересела у рынка, и подождал, пока она поднимется.

— Значит, можно ждать, — сказала Елена.

— Он ждал полторы минуты.

— А я прошу двадцать.

— Ты просишь не двадцать минут. Приезжай после смены, покажу.

Автобусное предприятие занимало кирпичное здание за старой котельной. Елена не была внутри с тех пор, как Михаил устроился туда диспетчером. За воротами стояли восемь автобусов: три жёлтых школьных, два больших городских и маленькие пазики с табличками сёл. Один механик лежал под задним мостом, другой доливал жидкость в пластиковый бачок.

Михаил встретил сестру у проходной и провёл в диспетчерскую. На стене висела карта района, испещрённая цветными линиями. Под ней тянулась доска с фамилиями водителей и номерами машин. Часть фамилий была зачёркнута, рядом красным написали: «больничный», «отпуск», «медосмотр».

— Вот Прудки, — Михаил ткнул карандашом в синюю линию. — Сорок два километра. Отправление с рынка в семнадцать сорок. В Прудках в восемнадцать сорок пять, если сухо. Потом водитель идёт пустым до Верхних Лугов, забирает рабочих с птицефабрики в девятнадцать десять и везёт

по трём сёлам. В парк возвращается около девяти.

— Почему на автобусе написано «Прудки», если он потом едет в Луги?

— Потому что для пассажиров это два рейса, а для машины одна смена. Если отправить его в шесть, к птицефабрике он опоздает минимум на двадцать минут. Там двадцать семь человек после двенадцатичасовой смены.

— Пусть их заберёт другой.

Михаил обвёл карандашом доску.

— Какой?

Елена посмотрела на номера. Они ничего ей не говорили.

— Большой городской.

— Первый стоит на ремонте. Второй после восьми везёт уборщиц и охрану из торгового центра. Если снять его, люди разъедутся на такси за свой счёт. Школьный нельзя выпускать на обычный маршрут без переоформления, да и в шесть утра он забирает детей из Степного. Водителю нужен отдых.

— Получается, расписание важнее человека.

— Расписание и есть люди, — сказал Михаил. — Только не один человек перед тобой, а все, кого сейчас не видно.

Елена сняла куртку. В диспетчерской было жарко, пахло крепким чаем и мокрой резиной. За стеклянной перегородкой женщина отвечала на звонки: называла время, повторяла остановки, объясняла кому-то, что рейс на Сосновку сегодня идёт только до моста.

— Тогда сдвиньте процедуры, — сказала Елена.

— Я не назначаю процедуры.

— А я не составляю расписание.

— Вот именно.

Михаил разложил на столе три листа. Один был расписанием движения, второй — графиком водителей, третий — списком школьных перевозок.

— Ты сказала: автобус в шесть. Хорошо. Водитель Прудков заканчивает позже. Завтра ему нельзя выходить на ранний рейс по времени отдыха. Его ранний рейс берёт Костя. Тогда Косту снимаем со школьного. Школьный берёт Саша, но у него медосмотр к девяти. Переносим медосмотр — через неделю у него заканчивается допуск. Не проходит вовремя — теряем водителя. Можно оплатить сверхурочные, но у предприятия долг за топливо, и директор уже запретил лишние часы без письменного приказа района.

— Двадцать минут превращаются в неделю?

— Иногда в месяц.

— А когда рейс отменяют из-за заболевшего водителя, как с Ниной Андреевной, это ни во что не превращается?

Михаил положил карандаш.

— Превращается. В твой дом, как оказалось.

Елена подошла к карте. Заборье было отмечено на самой дальней зелёной линии. Между ним и Каменском помещались шесть деревень, мост и участок грунтовой дороги. Нина Андреевна проехала весь этот путь утром после ночи в чужой кровати. На карте дорога выглядела одной ровной чер-

той.

— Сколько вам не хватает водителей?

— Трех, если все машины исправны. Пятерых, если вернуть старое расписание.

— Почему не берёте?

— Берём. Желающих нет. Зарплата меньше, чем у дальнотойщиков, ответственность за сорок человек. Встаёшь в четыре, медик проверяет перед сменой, вечером домой после девяти. Молодые уезжают, старые не проходят здоровье.

— Значит, ничего нельзя изменить?

— Можно. Только сначала надо назвать, ради кого и сколько раз в неделю. Не «всем сделать удобно», а сколько пациентов, в какие дни, из каких сёл, когда заканчиваются процедуры. Потом считать машину, водителя и деньги.

Диспетчер за перегородкой подняла ладонь.

— Миша, Липовка стоит у переезда. Там товарняк.

Михаил взглянул на часы.

— Передай Верхним Лугам задержку пятнадцать минут. Птицефабрике тоже позвони.

Он взял рацию, назвал водителю объезд, потом зачеркнул время на листе. За несколько минут диспетчерская наполнилась голосами. Кто-то просил задержать пересадку, кто-то сообщал, что ребёнка встретят у поворота, начальник смены птицефабрики ругался из-за ожидающих рабочих. Елена стояла у карты и видела, как задержка одной машины расходуется по району не линией, а кругами.

Когда звонки стихли, Михаил налил ей чай из электрического чайника.

— Я не защищаю это расписание как хорошее, — сказал он. — Оно плохое. Просто оно держится на том, что каждый водитель успевает в несколько мест. Потянешь за один край — где-то люди останутся.

— Они и сейчас остаются.

— Да.

Он сказал это без спора, и Елене стало труднее сердиться.

— Варвара звонила тебе из-за автобусов?

Михаил усмехнулся.

— Каждую неделю. Просила подождать, заехать к больнице, взять человека без билета, довезти до поворота. Иногда я мог помочь. Иногда нет. Она никогда не рассказывала тебе?

— Нет.

— Потому что ты бы сказала, что нельзя строить жизнь на одолжениях.

— А ты что говорил?

— То же самое. Потом звонил водителю и просил.

Елена обхватила кружку обеими руками. Чай был слишком крепким.

— Значит, ты тоже участвовал.

— Участвовал. Поэтому и знаю, чем это заканчивается. Сначала водитель ждёт знакомую Варвары две минуты. Потом пассажиры узнают, что можно позвонить. Один задержался у врача, другая в аптеке, третий решил допить чай.

Водитель должен выбрать, кто достаточно нуждается. А за ним рабочие, дети, следующий рейс. В конце все считают его бессердечным.

— Ты говоришь так, будто помощь обязательно портит людей.

— Нет. Я говорю, что помощь без правил портит того, кто её раздаёт. Он всё время виноват перед теми, кому не хватило.

Эту фразу Елена уже слышала в другом виде. Мать говорила: «Нельзя оставить человека одного», — а потом уходила к соседке на ночь, потому что у той болело сердце. Михаилу было десять, Елене четырнадцать. Они ужинали хлебом с сахаром и не жаловались, потому что соседке было хуже. Утром мать приходила усталая и сердилась на невымытую кастрюлю.

— Ты опять про маму, — сказала Елена.

— Пока только про рейс.

— Нет, не только.

— Хорошо. Не только. Но автобус от этого позже не поедет.

За окном механик завёл пазик. Двигатель задрожал, из трубы повалил дым. Михаил допил чай и показал Елене ещё один лист — жалобы пассажиров за месяц. Половина касалась отменённых или переполненных рейсов. Возле каждой стояла короткая причина: поломка, болезнь, гололёд, школьная перевозка, отсутствие замены.

— Что нужно от больницы? — спросила Елена.

— Для начала данные. Не рассказы про одну бабушку, а список. По каким дням люди заканчивают после последнего автобуса. Сколько их. Куда едут. Может, не рейс двигать, а сделать два дня подвоза от больницы до узловых сёл. Может, врачу дать один сельский день и ставить таких пациентов подряд. Может, район оплатит заказную машину. Я не обещаю, но с цифрами можно идти к директору.

— Алла Борисовна скажет, что транспорт — не её задача.

— Тогда пусть напишет это главе района. Устно все задачи чужие.

Елена взяла чистый оборот расписания и записала: село, день, окончание процедуры, последний автобус. Михаил подвинул ей ручку.

— Только не записывай фамилии пациентов без необходимости.

— Я знаю.

— В доме ты тоже знала, что лекарства нельзя хранить как попало.

Она отложила ручку.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Я хочу, чтобы ты различала свою работу и всё остальное.

— Я различаю.

— Тогда поменяй замок.

— Сначала верну ключи.

— Зачем?

Елена не сразу нашла ответ. Сказать «из уважения к людям» было бы неправдой: она почти никого из них не знала. Сказать «хочу понять, как всё работало» — точнее, но Михаил услышал бы в этом желание продолжить.

— Потому что это Варварины вещи и её порядок. Я не хочу обрубить всё, не разобравшись.

— Порядок уже разобрался с тобой. Первый человек ночевал до оформления наследства.

— Больше никто не ночует.

— Хорошо.

Он не стал спорить. Это «хорошо» прозвучало как запись обещания.

Елена ушла в половине восьмого. У ворот её догнал водитель в синей куртке.

— Вы сестра Михаила? — спросил он. — Про женщину с палкой звонили?

— Я.

— Успела она. Только вы в следующий раз нам раньше скажите. Я могу минуту подержать, если дорога позволяет. Десять не могу.

— Почему?

— В Прудках три человека пересаживаются на частную машину до Берёзовки. Она ждать не будет. Там водитель после работы едет, не рейсовый. Каждый хвост к другому привязан.

— Понимаю.

— Михаил думает, мы нарочно спешим. А нам потом по тёмной грунтовке. Лучше засветло последний кусок пройти.

Елена поблагодарила. На остановке у котельной висело то же расписание, что в диспетчерской, только для пассажира оно состояло из двух столбцов: место и время. Ни птицефабрики, ни пересадок, ни обязательного отдыха водителя на листе не было. В пять сорок автобус просто должен был уйти.

На следующий день Елена принесла в дневной стационар тетрадь в клетку. На обложке написала: «Транспорт после процедур». Алла Борисовна заметила тетрадь во время обхода.

— Что это?

— Хочу неделю посчитать, кто не успевает на автобус. Без фамилий. Село, время окончания, рейс.

— Зачем?

— Чтобы не решать каждый случай звонком брату.

Алла Борисовна перелистнула пустые страницы.

— Вы не можете обещать больничный транспорт.

— Я ничего не обещаю.

— И собирать персональные данные без основания не можете.

— Фамилий не будет. Только количество и направления. Заведующая вернула тетрадь.

— Неделю. Потом покажете мне, прежде чем куда-то нести.

Первой записью стала Валентина Ефимовна: Прудки, понедельник, врач закончил в 17:12, последний автобус 17:40, успела с городским рейсом. Вторую Елена сделала в среду. Мужчина из Заборья вышел после процедуры в 18:05, когда автобус ушёл больше часа назад. За ним приехал зять из соседнего района, потратив бензин и полдня. В четверг две женщины из Степного ждали в коридоре до 16:20, хотя освободились в два: их автобус ходил утром и вечером. Они не пропустили рейс, но больница стала залом ожидания, где им не разрешали даже прилечь.

Лида сначала посмеивалась над тетрадью, потом начала делать записи сама.

— Здесь ещё Мария Гавриловна из Ключей, — сказала она. — Во вторник ушла в четыре, автобус был в семь. Сидела в аптеке, потому что у нас гардероб закрыли в шесть.

— Почему не записала сразу?

— Я думала, считаем только тех, кто опоздал.

— Считаем тех, для кого между лечением и дорогой образуется пустое время.

К пятнице на странице было девять строк. Только двое действительно лишились рейса, но семеро провели в Каменске от двух до пяти лишних часов. Одни сидели в коридоре, другие ходили по магазинам, чтобы согреться, третьи просились в дом Варвары.

Дом напомнил о себе в пятницу вечером. Елена зашла проверить отопление и увидела на крыльце сетку с картош-

кой. К ручке был привязан пакет, в нём лежали банка мёда и записка: «За Любу из Синиц. Ключ принесу в воскресенье».

Она внесла картошку в сени, но мёд оставила на столе. Под сахарницей по-прежнему лежали пятьсот рублей Нины Андреевны и Варварин листок. Теперь к ним добавилась транспортная тетрадь. Елена раскрыла её на первой странице и вдруг заметила, что делает то же, что тётя: собирает частные случаи в одном месте, где со временем они начнут выглядеть её обязанностью.

Она закрыла тетрадь и позвонила Михаилу.

— За неделю девять человек. Двое пропустили рейс, семеро ждали больше двух часов. Это только наш кабинет.

— Уже что-то.

— Алла Борисовна разрешила считать неделю. В понедельник покажу ей.

— Покажи ещё расписание врачей по дням. Без этого скажут, что люди сами выбрали неудобное время.

— Они не выбирают. Берут талон, который дали.

— Я знаю. Но это надо показать.

Елена села на Варварин стул.

— Я всё ещё думаю, что Прудковский можно сдвинуть.

— А я всё ещё готов посчитать, если больница даст постоянное число пассажиров и район оплатит изменение. Только не обещай людям шесть часов.

— Не обещаю.

— И ночлег не обещай.

— Вода перекрыта.

— Я не про воду.

В сенях что-то стукнуло. Елена вышла и увидела, как дверная ручка медленно опускается. Кто-то снаружи попробовал открыть своим ключом, потом постучал.

На крыльце стояла женщина лет шестидесяти в короткой ватной куртке. В руке у неё был ключ с синей пластиковой головкой.

— Светлана из Заборья, — представилась она. — Вы меня искали.

Елена не успела закончить разговор с Михаилом. Он услышал имя и сказал:

— Забери ключ. Остальное завтра.

Светлана протянула ключ без просьбы.

— Варя велела держать на случай, если привезу кого-нибудь раньше неё. Я больше не фельдшер, мне он не нужен.

— Давно не работаете?

— Второй год. После инсульта мужа ушла.

— А людей сюда направляли от фельдшерского пункта?

— Не направляла. Говорила, что можно спросить Варю. Это разное.

— Для человека с сумкой не очень.

Светлана посмотрела через дорогу на тёмные окна второго этажа.

— Раньше было разное. В больницу клали — это одно. У Вари ждали — другое. Теперь больницы нет, и всё станет

одним, если вы не разделите.

Елена сжала ключ. Он был тёплым после чужого кармана.

— Как разделить?

— Не знаю. Я потому и принесла. Пока ключ у меня, будто я всё ещё могу пообещать вашу дверь.

Она отказалась от чая и ушла к остановке. Последний автобус на Заборье отправлялся в шесть десять; Светлана пришла заранее и закончила разговор вовремя. Елена проводила её взглядом, затем положила возвращённый ключ на блюдце.

Из пяти Варвариных ключей не хватало одного — у Синицыных. Отдельный оставался у Александра Петровича. Новый замок всё ещё лежал в ящике.

Елена вернулась к тетради и под девятью строками провела черту. Ниже написала: «Дом не является решением транспорта».

Фраза выглядела правильно, но дом вокруг неё оставался тёплым, пустым и в двух минутах от больницы. На стене тикали часы. До автобуса в пять сорок на следующий понедельник оставалось почти трое суток.

Глава 4. Кровать у печки

В понедельник утром тетрадь лежала у Аллы Борисовны на столе рядом с журналом приказов. Заведующая прочла девять строк дважды, потом отодвинула её к Елене.

— Мало для отдельного транспорта.

— Это один кабинет за одну неделю.

— Тогда считайте месяц.

— Через месяц начнутся морозы.

— А сегодня я откуда возьму машину?

Елена принесла распечатанное расписание врачей и автобусов, которое Михаил помог составить в выходные. Красным были отмечены приёмы, заканчивавшиеся позже сельских рейсов. В среду таких совпадений было четыре, в пятницу — шесть.

— Нам не обязательно сразу просить машину, — сказала Елена. — Можно переставить несколько талонов. Сельских ставить раньше.

— Городские тогда будут позже.

— Городские уедут на городском каждые сорок минут.

Алла Борисовна сняла очки.

— Вы предлагаете регистратуре каждый раз выяснять, откуда человек приехал, и вручную собирать расписание пятнадцати врачей. Они и обычную очередь не держат.

— Предлагаю хотя бы для тех, кому назначают курс на

десять дней.

— Напишите служебную записку. Коротко, без истории дома и Варвары. Только цифры.

Это не было согласием, но и отказом уже не было. Елена забрала тетрадь. У двери Алла Борисовна спросила:

— В доме у вас никто не ночует?

— Вода перекрыта.

— Я спросила не про воду.

Елена вспомнила, как Михаил произнёс те же слова.

— Не ночует.

В процедурной сидел Семён Петрович Лаптев из Ключей. Елена знала его ещё по хирургическому отделению: высокий сухой мужчина с белыми бровями, бывший тракторист. Весной ему оперировали сосуды на ноге, теперь он приезжал на уколы и перевязки. Он никогда не жаловался, но спрашивал о каждом действии, будто принимал работу по наряду.

— Восемь миллилитров? — спросил он, увидев шприц.

— Пять.

— В прошлый раз было восемь.

— Тогда было другое лекарство.

— Запишите, а то я дочери скажу неправильно.

Елена показала строку в назначении. Семён Петрович надел очки, прочитал и кивнул. После укола он не ушёл, а сел на крайнее кресло и достал из сумки половину батона.

— Автобус вечером? — спросила Лида.

— Сегодня не автобус. Сосед обещал забрать после обеда.

Он в Каменск за досками.

— Позвоните ему.

— У него телефон в машине не ловит. Приедет.

К двум часам Семён Петрович всё ещё сидел. За окном пошёл мокрый снег, первый в этом году. Он таял на подоконнике и оставлял тёмные точки. Елена налила пациенту чай, записала его в транспортную тетрадь и продолжила работу.

В четыре он сказал, что сосед, наверное, задержался на складе. В пять — что мог сломаться. Последний автобус в Ключи ушёл в четыре двадцать.

— Дочери позвоните, — сказала Елена.

— Она в Твери.

— Другим родственникам.

— В Ключах один племянник, он выпивает. Лучше не звать.

Семён Петрович говорил спокойно, как будто перечислял неисправные детали. Давление было нормальным, температура тоже. По медицинским причинам оставлять его в больнице не требовалось. По транспортным — больница уже закрывалась.

Елена позвонила соседу. Телефон оказался выключен. В диспетчерской подтвердили: рейсов до Ключей сегодня больше нет. Такси запросило сумму, равную половине пенсии Семёна Петровича, и водитель не гарантировал, что проедет последние семь километров по снегу.

— В социальную гостиницу при храме, — предложила

Лида.

Елена набрала знакомый номер. Все четыре места были заняты: двое строителей после пожара, мать с ребёнком и мужчина, ожидавший документы для дома престарелых.

Алла Борисовна уже надевала пальто, когда Елена привела к ней Семёна Петровича.

— Клинических показаний нет, — сказала заведующая после осмотра. — Может ждать в приёмном покое до восьми, потом здание ставят на сигнализацию.

— А после восьми?

— Родственники, гостиница, такси.

— Ничего этого нет.

— Вы хотите, чтобы я создала койку приказом на одну ночь?

Семён Петрович поднялся со стула.

— Не спорьте из-за меня. Я на вокзале посижу.

Автовокзал закрывался в семь. Железнодорожной станции в Каменске не было.

— На каком вокзале? — спросила Алла Борисовна.

— Где автобусы.

Заведующая посмотрела на Елену и медленно застегнула пальто.

— Вы ведь понимаете, что ваша записка как раз об этом? Пока у района нет решения, каждый вечер будет частным случаем.

— Понимаю.

— Тогда не превращайте частный случай в тайное отделение.

— Я не превращаю.

Алла Борисовна выдержала паузу.

— Завтра принесите служебную записку.

Она ушла. Лида стала выключать свет в процедурной.

— Ко мне нельзя, — сказала она, не глядя на Елену. — У нас свёкор в комнате и двое детей. Я бы взяла, но положить негде.

— Я не просила.

— Ты молчишь так, будто просишь.

Семён Петрович сидел в коридоре, держа сумку на коленях. Елена могла привести его в свою квартиру на Школьной. Там был диван, вода и городской телефон. Но квартира находилась на четвёртом этаже без лифта, а после операции он поднимался медленно. Дом Варвары стоял через дорогу, и одна кровать оставалась у стены возле старой печки.

— В доме вода перекрыта, — сказала Елена.

— Мне много не надо. Умоюсь утром.

— Это не больничный дом.

— Знаю. Варварин.

Елена услышала ответ, но не исправила.

Они перешли дорогу. Снег уже ложился на траву, хотя на асфальте превращался в воду. Семён Петрович нёс свою сумку сам. У калитки он остановился и снял шапку, как перед входом в чужую квартиру.

— Я у Вари однажды был, — сказал он. — Лет пять назад, после обследования. На этой же кровати, наверное.

Елена открыла дверь. В доме было прохладно: отопление на минимуме не успевало прогреть комнаты. Она включила котёл сильнее и достала из шкафа бельё с биркой «мужское».

— Воды в кране нет. Принесу из своей квартиры. Туалет во дворе.

— Я знаю, где.

— Если закружится голова или заболит нога, сразу звоните мне. Но я не дежурю и лечения здесь нет.

— Елена, я всё понимаю.

Он назвал её без отчества впервые. В больнице пациенты так делали только после выписки, когда хотели показать, что служебный разговор закончился.

Елена принесла два пятилитровых баллона воды, кастрюлю супа и свой старый мобильный телефон с крупными кнопками. Михаил позвонил, пока она застилала кровать.

— Ты дома?

— У Варвары.

— Одна?

Елена расправила простыню.

— Сейчас перезвоню.

Она сбросила вызов. Семён Петрович сидел на стуле и расшнуровывал ботинки.

— Брат ругается? — спросил он.

— Брат считает, что знает всё заранее.

— Иногда младшие знают. Просто говорят так, что слушать не хочется.

Елена поставила суп на плиту. В посуде Варвары нашлась глубокая тарелка с синей каймой. На дне был маленький скол, аккуратно покрашенный лаком. Семён Петрович съел две половины половника, отказался от хлеба и спросил, во сколько открывается больница.

— В восемь.

— Я тогда в семь уйду, чтобы вам не мешать.

— Куда уйдёте?

— В коридоре посижу.

— Не надо. Утром выясним, где сосед.

— Он придет. Николай слово держит.

— Сегодня не удержал.

Семён Петрович посмотрел на неё поверх ложки.

— Может, с ним что случилось.

Эта возможность Елене не нравилась. Она снова набрала номер соседа. Телефон включился, но никто не ответил.

В семь позвонили из больницы. Охранник нашёл в приёмном покое кепку Семёна Петровича и хотел знать, не вернулся ли пациент. Елена сказала:

— Он со мной. Переночует в доме напротив.

— В вашем доме?

— Да.

— Тогда запишу, что забрала медсестра Воронина.

Елена хотела уточнить, что забрала не медсестра, а част-

ный человек, но охранник уже положил трубку. Семён Петрович услышал разговор.

— Теперь знают, где я. Хорошо.

— Это не больничная койка.

— Конечно. Просто дом рядом.

Он сказал почти те же слова, что Нина Андреевна. Елена вынесла на стол лекарства, которые Семён Петрович привёз с собой. Он сам назвал время и дозу, сверился с выпиской и проглотил таблетки. Елена не давала медицинских советов, только налила воду. И всё же белый халат, висевший на спинке стула под её курткой, делал каждое движение похожим на продолжение смены.

В восемь появился Александр Петрович. Он не постучал в калитку, но дверь дома оказалась заперта. Елена открыла после третьего удара.

— Свет горит, думаю, кто-то есть, — сказал сосед. — Семён? Вот хорошо. Я его знаю.

— Не говорите никому, что здесь снова ночуют.

Александр Петрович посмотрел мимо неё на застеленную кровать.

— А что скрывать?

— Это один случай.

— Конечно. Каждый случай один.

Он принёс охапку берёзовых поленьев, хотя печь не топили: дом обогревал газовый котёл. По привычке сложил их у стены и проверил заслонку.

— У Вари зимой у печки теплее было, — сказал он Семёну Петровичу. — Кровать специально сюда ставила.

— Мне и так тепло.

— Ночью тянет от окна. Я одеяло принесу.

— Ничего не приносите, — сказала Елена.

Сосед поднял руки.

— Хозяйка сказала — не принесу.

Он ушёл, но через двадцать минут на крыльце появилось свёрнутое ватное одеяло. Елена отнесла его в сени и не стала стелить.

Михаил позвонил снова.

— Ты не перезвонила.

— У меня человек из больницы. Его не забрал сосед, автобуса нет.

— Где человек?

— В доме.

Молчание было коротким.

— Я еду.

— Не надо. Он здоров, насколько может быть здоров после своей процедуры. Утром уедет.

— Лена, ты три дня назад написала, что дом не решение транспорта.

— А что мне было сделать? Выставить его на улицу, чтобы сохранить правильную фразу?

— Позвонить мне.

— И ты бы дал автобус?

— Я бы нашёл Николая. Или машину.

— Так найди сейчас.

Михаил попросил фамилию соседа и номер. Через пятнадцать минут перезвонил. Николай лежал в травматологии областной больницы: на складе на него упала доска, телефон остался в машине. Перелом ключицы, угрозы жизни нет. Его жена уехала к нему и забрать Семёна Петровича не могла.

— Видишь, он не бросил, — сказал гость, узнав новость.

— Беда у человека.

— Я приеду, — повторил Михаил.

— Зачем?

— Проверю котёл и привезу воду.

— Котёл работает, воду я принесла.

— Тогда поменяю замок.

— Сегодня не надо.

— Именно сегодня надо. Александр уже видел свет?

Елена посмотрела на одеяло в сенях.

— Видел.

— Значит, завтра узнают все.

— Я попросила его молчать.

— Конечно.

Михаил приехал около девяти. Семён Петрович спал поверх покрывала, прикрыв ноги своей курткой. Елена встретила брата на кухне и говорила шёпотом.

— Не буди его.

— Я не его приехал будить.

Михаил поставил у двери канистру воды и достал отвёртку.

— Сейчас менять замок не буду. Но завтра меняю, с ключами или без.

— У Синицыных остался один. Я заберу в воскресенье.

— Сегодня понедельник. Ты ещё неделю оставишь чужой доступ?

— Это не связано с Семёном Петровичем.

— Связано. Люди увидят, что кровать снова занята. Кто-то придёт своим ключом и приведёт следующего.

— Никто не войдёт, дверь заперта изнутри.

— А ты останешься?

Елена не собиралась. Она хотела проверить гостя перед сном и уйти в квартиру. Теперь поняла, что не уйдёт. Туалет стоял во дворе, ступенька на крыльце намокла, ночью мог подморозить. Семён Петрович уверенно ходил, но медленно, а после укола ему советовали избегать переохлаждения.

— Останусь на раскладушке, — сказала она.

— То есть у тебя ночное дежурство.

— Не дежурство.

— Как назовёшь?

— Человек ночует в моём доме, я тоже ночую.

— Это уже твой дом?

— По завещанию — да.

— Тогда почему ты всё время объясняешь, как делала Варвара?

Елена открыла ящик и достала новую личинку.

— Поменяешь утром. Сейчас не стучи.

Михаил взял коробку.

— Я не против Семёна. Я против того, что охранник уже записал: пациента забрала медсестра Воронина. Завтра в больнице это станет порядком.

— Откуда ты знаешь про охранника?

— Ты сама сказала, что человек из больницы. Я знаю, как такие вещи записывают.

— И что мне надо было сказать? Что я нашла его на улице?

— Правду: частный человек пригласил знакомого переносить. Не больница разместила пациента у своей медсестры.

— Он мне не знакомый.

— Вот именно.

Из комнаты донёсся кашель. Елена сразу встала. Михаил остался у стола.

Семён Петрович сидел на кровати и искал ботинки.

— В туалет, — сказал он. — Сам дойду.

Елена включила наружный свет. Михаил расчистил мокрый снег с дорожки и посыпал ступеньку песком из ведра. Они ждали у двери, пока Семён Петрович вернётся. Гость помыл руки водой из ковша, лёг и отвернулся к стене.

— Спасибо, дети, — сказал он.

Михаил вздрогнул, будто слово коснулось чего-то давнего.

Перед уходом он проверил котёл, закрыл заслонку печи и оставил ключи от своей машины.

— Если ночью что-то случится, звони в скорую, а не мне. Машина у калитки.

— Я знаю, кому звонить.

— Тогда скажи вслух.

— Если ему станет плохо, я вызову скорую. Не повезу сама и не буду лечить.

— Хорошо.

Елена легла на раскладушке в соседней комнате. Из больницы через дорогу не доносилось ни звука. Раньше ночью светились окна второго этажа, хлопала дверь приёмного покоя, подъезжали машины. Теперь корпус стоял тёмный, и дом напротив оказался единственным местом, где не спал человек после процедуры.

Около двух Семён Петрович снова вышел во двор. Елена проснулась от скрипа двери, накинула куртку и пошла следом, хотя он не просил. Возвращаясь, он оступился на пороге. Она поймала его под локоть.

— Вот поэтому вы остались, — сказал он.

— Я осталась, потому что ступенька скользкая.

— В больнице тоже ночью ходили смотреть.

— Здесь не больница.

Он кивнул, но по его лицу было видно: различие казалось ему словесным. Та же медсестра, та же ночь после процедуры, кровать в двух минутах от корпуса. Только кнопки вы-

зова не было, воды в кране не было, врача за стеной не было.

— Семён Петрович, — сказала Елена, когда он сел на кровать. — Вы здесь как мой гость. Больница вас сюда не направляла. Если кто-то спросит, так и скажите.

— Конечно.

— И другим нельзя говорить, что после процедур можно ночевать здесь.

— Я не болтливый.

— Дело не в болтовне.

— Понимаю.

Но он не спросил, в чём дело. Елена укрыла его одеялом и ушла. В темноте она пыталась придумать точную фразу, которая разделила бы помощь и службу. Ни одна не меняла того, что она проверяла его дыхание через открытую дверь.

Утром Семён Петрович встал в шесть. Елена сварила овсяную кашу на воде, которую привёз Михаил. Гость тщательно вымыл тарелку в тазу и вытер стол.

— Сосед Николай в области, — сказала Елена. — До Ключей сегодня автобус в одиннадцать двадцать. Я отвезу вас на автостанцию.

— Через больницу поедem?

— Зачем?

— Отметиться, что выписался.

— Вас вчера выписали из дневного стационара в пять. Ночью вы были не у нас.

Семён Петрович перестал складывать полотенце.

— Как не у вас? Вот же я.

Он обвёл рукой комнату. В этом жесте дом и больница снова соединились.

Елена могла исправить его прямо сейчас. Сказать: не «у нас», а у меня; не после выписки разместили, а я пригласила, за эту ночь не отвечал ни врач, ни заведующая, ни район. Вместо этого она сказала:

— В корпус заходить не нужно. Я передам, что вы уехали. Семён Петрович удовлетворённо кивнул.

На автостанции он купил билет и настоял, чтобы Елена взяла триста рублей на бензин. Она отказалась. Тогда он сунул деньги в карман своей куртки и сказал:

— Варвара тоже не брала. Мы потом продуктами отдавали.

Перед посадкой он пожал Елене руку.

— Хорошо, что больница хоть так оставила кровать, — сказал он. — Передайте заведующей спасибо.

Елена открыла рот, но водитель уже позвал пассажиров. Семён Петрович поднялся в автобус, сел у окна и поставил сумку на колени. Исправление осталось у неё на языке.

В дневном стационаре охранник вернул кепку.

— Доставили дедушку? — спросил он.

— Уехал в Ключи.

— Я в журнале написал: размещён медсестрой в доме временного пребывания. Правильно?

— Каком ещё доме временного пребывания?

— Ну, у вас напротив. Чтобы не писать частный адрес.

Елена взяла журнал. Строка уже стояла между обходом здания и срабатыванием датчика на запасной двери. Чёрными чернилами частная ночь получила название, которого не существовало.

— Зачеркните, — сказала она. — Напишите: ушёл самостоятельно с частным сопровождающим.

— Так вы же наша медсестра.

— После шести я была не на смене.

Охранник пожал плечами, зачеркнул запись одной линией и переписал под ней. Первые слова всё равно читались.

В процедурной на подоконнике стояла сетка с картошкой и банка мёда из дома. Лида развела руками.

— Александр Петрович принёс. Сказал, за Семёна.

— Откуда он узнал, куда нести?

— Сказал, ты отказалась брать домой, значит, больнице пригодится.

Елена отнесла продукты в подсобку, потом передумала и поставила под свой стол. Если оставить их для общего чая, ночь окончательно станет услугой отделения. Если забрать, она примет плату за личную помощь. Вернуть было некому: Александр ушёл.

Алла Борисовна вызвала её после утреннего обхода.

— Охранник рассказал про пациента в доме напротив.

— Я пригласила его как частное лицо. Сосед не приехал, гостиница была занята, такси не брало дорогу.

— Вы измеряли ему давление?

— В отделении перед уходом. Дома нет.

— Давали лекарства?

— Он принял свои сам.

— Ночью наблюдали?

Елена вспомнила, как слушала дыхание из соседней комнаты.

— Я была в доме.

— Это не ответ.

— Если бы стало плохо, вызвала бы скорую.

Алла Борисовна закрыла дверь кабинета.

— Я не буду объявлять выговор за то, что вы не бросили пожилого человека под снегом. Но вы создали для больницы опасную двусмысленность. Пациент считает, что мы его разместили. Охранник так считает. Сосед принёс продукты сюда. В следующий раз человек скажет, что ночевал под наблюдением медсестры, и формально не соvrёт.

— А какой был правильный выход?

— У района его нет. Именно поэтому нельзя делать вид, что он есть у вас.

— То есть оставить на улице честнее?

— Честнее письменно потребовать решение и зафиксировать отказ. А человеку помочь можно, но назвать помощь частной и не надевать на неё белый халат.

Елена посмотрела на свои руки. Халат был на ней сейчас, но ночью висел на стуле. Разницы никто не увидел.

— Я сказала ему, что дом не больница.

— Он понял?

Елена не ответила.

Алла Борисовна взяла служебную записку, которую Елена принесла утром, поставила дату и расписалась в получении.

— Отправлю главврачу и в район. Транспортная тетрадь остаётся у вас. И ещё: не давайте этот адрес от имени больницы.

— Я не давала.

— Пока.

После смены Михаил ждал у дома с инструментами. Он молча снял старую личинку и поставил новую. Елена держала фонарь. Работа заняла семь минут.

— Сколько ключей? — спросила она.

— Пять. Но раздавать будем после того, как решишь кому и зачем.

Он отдал ей два, остальные оставил запечатанными в пакете.

Старую личинку Михаил положил на стол рядом с четырьмя возвращёнными ключами. Пятый, у Синицыных, теперь ничего не открывал. Отдельный ключ Александра Петровича тоже стал бесполезен.

— Доволен? — спросила Елена.

— Нет. Но дверь теперь спрашивает тебя, прежде чем открыться.

Когда брат уехал, Елена сняла с кровати бельё Семёна

Петровича. На простыне осталось несколько тёмных крошек и складка в форме человеческого тела. Она вынесла таз, нагрела воду в кастрюле и начала стирать руками, хотя могла забрать бельё в квартиру и включить машину.

За окном остановилась женщина с сумкой. Посмотрела на дом, потом на больницу, сверилась с бумажкой и пошла к калитке. Новый ключ у неё быть не мог. Она нажала кнопку звонка.

Елена вытерла руки и вышла в переднюю.

— Мне сказали, тут после дневного можно до утра, — произнесла женщина через дверь. — Я от Семёна Петровича.

Елена не открыла. В тазу остывала вода, на стуле лежала служебная записка с подписью заведующей, а за дверью уже стояло обязательство, которое она создала своим молчанием на автостанции.

Глава 5. Катина комната

Женщину у калитки звали Раиса Тимофеевна. Она приехала из Ключей тем же утренним автобусом, на котором накануне уехал Семён Петрович, и привезла направление на три дня процедур. В больнице ей назвали время первого укола, но о ночлеге никто не говорил. Семён Петрович успел сказать в автобусе, что напротив корпуса есть тёплый дом и медсестра своих не бросает.

Елена разговаривала через закрытую дверь. Новый замок поворачивался легко, почти бесшумно, и от этого отказ казался не твёрже, а трусливее.

— Здесь не ночлежка, — сказала она. — Семён Петрович оказался в доме случайно. Его не забрал сосед.

— Я не даром, — ответила Раиса Тимофеевна. — У меня пенсия с собой. И простыню сама постираю.

— Дело не в деньгах.

— Тогда в чём?

Елена могла назвать всё по порядку: в доме нет воды, туалет во дворе, ночью никто не наблюдает за давлением, больница за эту дверь не отвечает. Но женщина стояла под мокрым снегом с хозяйственной сумкой, из которой торчал свёрнутый халат, и каждое объяснение звучало как попытка сделать отказ приличным.

— Вам сегодня ещё не делали процедуру?

— В четыре назначено.

— До четырёх оставайтесь в больничном коридоре. Я попробую перенести на утро. Тогда вы сможете ездить первым автобусом и возвращаться в тот же день.

— Мне три дня кататься по семьдесят километров?

— Семьдесят туда и обратно, — машинально поправила Елена.

— Моим ногам всё равно, как считать.

Раиса Тимофеевна не просила открыть ещё раз. Подняла сумку и пошла через дорогу. Елена дождалась, пока она войдёт в корпус, и только тогда вернулась к тазу. Вода остыла окончательно. На простыне Семёна Петровича пятно от края печки не отстиралось, сколько Елена ни тёрла его хозяйственным мылом.

На следующий день должна была приехать Катя. Она позвонила вечером и сказала, что взяла отгул, потому что в выходные обещали гололёд. Хотела разобрать Варварины вещи, отложить то, что можно отдать, и заодно посмотреть дом.

— Мама, только не начинай до меня, — попросила она. — Ты всё нужное людям раздашь, а потом выяснится, что фотографии ушли вместе с тумбочкой.

— Я ничего не раздаю.

Елена посмотрела на пустой гвоздь, где раньше висел запасной ключ Александра Петровича.

— И комнату не занимай коробками. Я хочу выбрать, где

буду спать, когда приеду с ребёнком.

— Выбирай любую.

— Любую — это значит, в обеих стоят кровати для посторонних.

— Уже не стоят. Одну разберём.

После разговора Елена прошла по дому. Комната у печи была проходной и самой тёплой. Задняя выходила двумя окнами в сад. Там стояла узкая железная кровать, платяной шкаф и Варварина швейная машина под серым чехлом. На обоях остались светлые прямоугольники от фотографий. Катя в детстве ночевала здесь летом, когда её привозили к Варваре на неделю. Она называла эту комнату своей, хотя половину кровати занимали свёрнутые матрасы.

Елена сняла бельё, свернула матрас и поставила к стене. На подоконнике обнаружился стеклянный заяц с отколотым ухом. Катя выиграла его в тире на районной ярмарке и когда-то отказалась забирать в город, чтобы у Варвары оставалась её вещь. Елена вымыла фигурку и поставила посередине пустого подоконника.

Катя приехала на первой маршрутке. Она вошла в дом бокком, прикрывая живот пуховиком, и сразу спросила, почему у калитки новая личинка.

— Михаил настоял.

— Значит, хоть кто-то настоял.

Она сняла обувь, прошла в заднюю комнату и увидела зайца.

— Он ещё жив?

— Ухо так и не нашлось.

— Я сама его отбила. Сказала на мальчишек, чтобы тётя Варя не ругалась.

Катя улыбнулась и провела пальцем по гладкому сколу. Елена впервые за последние дни увидела в ней не взрослую женщину, которая умела покупать билеты через телефон и разговаривать с начальниками, а девочку с двумя косами, сидевшую на крыльце и державшую стеклянный приз обеими руками.

— Эту комнату оставим тебе, — сказала Елена. — Кровать заменим. Поставим детскую, если будете приезжать надолго.

Катя села на край железной кровати и тут же поднялась: сетка прогнулась почти до пола.

— Сначала обычную поставим. До детской ещё далеко.

— Недалеко уже.

— Мам, не сглазь.

Она сказала это спокойно, но ладонь положила на живот. Елена отвернулась к шкафу, чтобы не следить за движением. Катя была на шестом месяце и не любила, когда мать задавала вопросы после каждого приёма. Отвечала: всё по сроку, врач доволен, если будет что сообщить — сообщу.

Они начали со шкафа. Варварины платья пахли сухой лавандой и домом, который зимой редко проветривали. Катя раскладывала их на три стопки: оставить, отдать, выбросить.

Елена перекладывала из третьей во вторую кофты с целыми пуговицами.

— Кому нужна кофта с вытянутыми локтями? — спросила Катя.

— На даче носить.

— У кого здесь дача? У всех огороды возле дома.

— Тряпки пойдут.

— Тряпок у тёти Вари на двадцать лет.

Катя открыла нижний ящик. Там лежали детские рисунки, открытки и несколько листов в клетку. На верхнем рисунке зелёный дом был соединён с синим прямоугольником дороги красной линией. Над домом Катя в восемь лет написала: «Здесь всегда можно».

— Что можно? — спросила Елена.

— Не помню.

— Варя сохранила.

— Она всё сохраняла. Чужие тапочки тоже.

Катя отложила рисунок к фотографиям. Потом взяла один из листов. На нём рукой Варвары были записаны фамилии и дни: понедельник — Крылова, среда — Пугачёв, четверг — бельё от Светы. Внизу стояло: «Катю не класть у печки, кашляет от дыма».

— Даже я была частью расписания, — сказала Катя.

— Она о тебе заботилась.

— Я не спорю. Только у неё забота всегда выглядела как список дел.

Елена хотела возразить, но вспомнила собственную транспортную тетрадь. Там люди тоже становились сёлами, временем процедур и пропущенными рейсами. Иначе проблему нельзя было показать главврачу. Иначе было легче думать, что каждый случай один.

К полудню они освободили шкаф и вынесли четыре мешка в переднюю. Катя устала, хотя старалась не показывать. Елена поставила чайник и достала бутерброды. Вода по-прежнему была перекрыта, поэтому посуду мыли из канистры.

— Ты собираешься жить без крана? — спросила Катя.

— Михаил проверит трубы. Если всё цело, включим.

— А ты собираешься здесь жить?

— Пока разбираю.

— Я не про сегодня.

Елена посмотрела в окно. Через дорогу люди входили в поликлинику и выходили, придерживая дверь друг другу. На прежнем втором этаже стационара не горело ни одного окна.

— Квартира на четвёртом этаже, — сказала она. — Здесь первый. К старости удобнее.

— Тебе пятьдесят, а не восемьдесят.

— Дом всё равно пустовать не должен.

— Почему?

— Домам вредно пустовать.

Катя сняла с бутерброда кружок огурца и положила на край тарелки.

— А людям?

— Что людям?

— Им вредно всё время быть занятыми чужими делами?

— Ты приехала помогать или читать мне лекцию?

— Помогать. Поэтому спрашиваю заранее. Если ты сюда переедешь, я буду приезжать к тебе. Если здесь снова будет проходной двор, я с младенцем не приеду.

— Проходного двора не будет. Замок новый.

— Замок меняется за семь минут. Ты сама мне рассказывала. Я не о замке.

Елена убрала чашки, хотя чай ещё оставался.

— Эта комната твоя. Никого сюда не положу. Довольна?

Катя не ответила сразу.

— Я не хочу владеть комнатой в твоём доме. Я хочу понимать, что, когда ты говоришь «приезжай», мне не придётся освобождать кровать для человека с более уважительной причиной.

— Не придётся.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Катя кивнула. Взяла чашку и допила остывший чай. Разговор закончился так просто, что Елена почувствовала раздражение: будто дочь приехала не доверять и получила требуемую подпись.

После обеда они сняли чехол со швейной машины. В ящике лежали катушки, напёрстки, ножницы и конверт с фото-

графиями. На одном снимке Варвара стояла у калитки с Еленой и Михаилом. Елене было лет двенадцать, Михаилу восемь. Рядом сидела их мать, уставшая и молодая. За спинами взрослых виднелись две женщины в больничных халатах. Елена не помнила их имён.

— Дядя Миша похож на себя, — сказала Катя. — Уже сердитый.

— Он не сердитый. Солнце в глаза.

— Ты всегда его оправдываешь, когда его нет, и споришь с ним, когда он рядом.

— Семейная привычка.

Телефон Елены зазвонил в передней. Алла Борисовна попросила подойти к четырём. Раисе Тимофеевне процедуру перенести не удалось: препарат привезли только после обеда, а повторные введения назначили на то же время. Женщина собиралась ночевать на автостанции, хотя та закрывалась в семь.

— Почему вы звоните мне? — спросила Елена.

— Потому что вы вписали её в транспортную тетрадь и оставили мой номер как ответственного по отделению.

— Я сегодня не на смене.

— Я не прошу открыть дом. Приходите, вместе найдём вариант.

Елена сказала Кате, что отойдёт на полчаса.

— В больницу? — спросила дочь.

— Надо помочь с ночлегом женщине из Ключей.

— Той, которой ты утром не открыла?

— Откуда знаешь?

— Видела её в коридоре, когда ходила в аптеку. Она описала дом и новую хозяйку.

Елена застегнула пальто.

— Разбирай фотографии. Я скоро.

— Мама.

— Что?

— Если варианта не найдёте, что ты сделаешь?

— Найдём.

— Это не ответ.

— Я дала тебе слово насчёт комнаты.

— Насчёт комнаты, — повторила Катя.

В отделении Раиса Тимофеевна сидела на стуле возле процедурной и держала сумку между коленями. После укола её попросили ещё час не уходить. Давление было нормальным, жалоб не было. Медицинских причин оставлять её в корпусе на ночь не существовало.

Алла Борисовна положила перед Еленой листок с шестью номерами. Гостиница просила две тысячи четыреста рублей. Социальная комната при храме оставалась занятой. У районного центра помощи было помещение, но принимали туда только женщин с детьми или пострадавших от насилия. В служебном общежитии свободная кровать нашлась, однако комендант отказался вселять человека без приказа администрации.

— Такси до Ключей? — спросила Елена.

— Четыре тысячи, если водитель согласится на дорогу после снегопада.

Раиса Тимофеевна достала кошелёк и пересчитала деньги. Три тысячи двести рублей должны были остаться ей до пенсии.

— Я заплачу за гостиницу, — сказала Елена.

— Не возьму.

— Вернёте потом.

— Не возьму и в долг. У меня лечение бесплатное, а ночевать за две четыреста почему-то платно. Я лучше в кресле посижу.

Алла Борисовна сняла очки.

— В корпусе нельзя. В семь придёт охрана, в восемь сигнализация.

— Тогда на крыльце.

— На крыльце минус семь ночью, — сказала Елена.

— Я из дома ватные штаны взяла.

Раиса Тимофеевна хлопнула по сумке, словно доказывала, что подготовилась не хуже районных служб.

Елена позвонила Михаилу. Он проверил рейсы, потом частных водителей. Один мог отвезти женщину до развилки, но последние девять километров до Ключей дорогу перемело. Михаил предложил место в комнате отдыха на автостанции, если начальник подпишет разрешение. Через десять минут перезвонил: помещение было служебным, там

хранилась выручка и находилась панель сигнализации. Начальник не разрешил.

— Заберу её к себе, — сказала Елена.

— Куда? — спросил Михаил.

Она посмотрела на Раису Тимофеевну. Женщина сидела прямо и делала вид, что не слышит.

— В дом.

— Ты утром поменяла замок, а вечером снова открываешь.

— Не снова. На одну ночь.

— В какой комнате?

— У печки.

— Там проходная. Ты сама останешься?

— Останусь.

— Катя у тебя?

— Разбирает вещи.

Михаил помолчал.

— Скажи ей до того, как приведёшь человека.

— Она знает, чем я занимаюсь.

— Не чем ты занимаешься. Что ты опять ночуешь не с ней.

Елена закончила разговор. Алла Борисовна ждала решения, но не подталкивала.

— Частное приглашение, — сказала Елена. — Больница её не направляет. В документах адреса не будет. Если состояние изменится, вызываем скорую.

— И завтра снова пишем в район, — добавила заведующая.

— Сколько можно писать?

— Пока кто-нибудь не устанет отвечать, что полномочий нет.

Раиса Тимофеевна поднялась.

— Я у печки лягу. Мне отдельного не надо.

В доме Катя сидела на полу среди фотографий. Она сложила снимки по годам и подписала конверты. Когда вошли Елена и Раиса Тимофеевна, дочь сначала посмотрела на сумку, потом на мать.

— Это Раиса Тимофеевна, — сказала Елена. — Она переночует сегодня. Автобуса нет.

— Здравствуйте, — сказала Катя.

— Не беспокойтесь из-за меня, девочка. Я где положат.

— Я не девочка.

— Простите. По привычке.

Елена сняла с вешалки запасное полотенце и пошла в проходную комнату. Кровать там была разобрана после Семёна Петровича: матрас сох у стены, железная сетка оставалась голой. От окна тянуло. В комнате лежали мешки с одеждой, и проход к печке был заставлен коробками.

— Здесь сейчас нельзя, — сказала Елена. — Нужно всё вынести и просушить матрас.

— Я помогу, — отозвалась Катя.

— Тебе нельзя тяжёлое.

— Тогда зачем говоришь, что я помогу разбирать дом?

Они перенесли два лёгких мешка в сени. Елена попыталась разложить матрас, но от него пахло сырой шерстью. Окно не закрывалось плотно, а котёл прогрел дом только до шестнадцати градусов.

Раиса Тимофеевна постояла в дверях.

— Мне тепло. Давайте раскладушку на кухне.

— Там узко, ночью к туалету не пройдёте.

— Я не хожу ночью.

— Все ходят.

Елена сказала это тоном медсестры. Раиса Тимофеевна послушно замолчала.

В задней комнате было двадцать градусов. Чистая кровать стояла свободной, на подоконнике блестел стеклянный заяц. Елена знала это ещё до того, как открыла дверь.

— Сегодня ляжете здесь, — сказала она. — Только сегодня.

Катя стояла за её спиной.

— Мам, можно тебя на минуту?

Они вышли в переднюю. Дверь задней комнаты осталась открытой, и Раиса Тимофеевна слышала каждое слово, поэтому Катя говорила тихо.

— Ты обещала.

— Тебя сегодня здесь не будет. Ты едешь домой вечером.

— Маршрутку отменили. Я только что получила сообщение.

— Тогда я отвезу тебя на машине Михаила.

— Ты сама сказала, что после снегопада дорогу перемело.

— До области трассу чистят.

— Два часа туда, два обратно, беременная женщина вечером в машине — это безопаснее сухого матраса?

Елена потёрла лоб.

— Ты можешь лечь в моей квартире. Ключи дам.

— Я приехала к тебе.

— Я понимаю.

— Нет. Ты уже решила остаться здесь с Раисой Тимофеевной. Мне предлагаешь ночевать одной в твоей квартире, куда я не приезжала.

— Человека нельзя положить в сырость.

— Меня можно отправить в снег.

— Не передёргивай.

— У тебя всегда находится человек, которому сейчас нужнее. Я не спорю, что ей нужнее кровать. Я спрашиваю, зачем ты утром обещала мне комнату.

Елена посмотрела в открытую дверь. Раиса Тимофеевна снимала пальто медленно, будто надеялась стать незаметной.

— Потому что я не знала, что так получится.

— В этом и есть твоё обещание. Оно действует, пока ничего не случилось.

— Что ты хочешь? Чтобы я выставила её?

— Я хочу, чтобы ты не делала меня той, которая выставляет. Это твоё решение.

Катя вошла в заднюю комнату, забрала стеклянного зайца и конверты с фотографиями. Раиса Тимофеевна попыталась встать.

— Я на кухне устроюсь. Мне правда всё равно.

— Сидите, — сказала Елена. — Катя, не устраивай сцену при человеке.

Дочь замерла с зайцем в ладони.

— При человеке я как раз молчу. Сцену ты увидишь потом, когда мы останемся вдвоём.

Она перенесла свои вещи в проходную комнату. Елена достала из сеней ватное одеяло Александра Петровича и постелила на раскладушку. Матрас сверху накрыла двумя простынями. Катя отказалась.

— Я не лягу здесь.

— Тогда поедем в квартиру вместе. Раиса Тимофеевна останется одна с телефоном.

— После того как ты всю неделю объясняла, что людей нельзя оставлять здесь без присмотра?

— У неё давление нормальное.

— У меня тоже.

Елена услышала в этих словах не довод, а предупреждение. Подошла ближе.

— Что случилось? У тебя что-то болит?

— Ничего. Видишь, как быстро ты умеешь испугаться за меня? Жаль, что только после намёка.

Катя надела пуховик и вышла на крыльцо. Елена пошла

следом. Снег стал мелким и сухим. Свет из задней комнаты падал на дорожку, а окна больницы через дорогу были тёмными.

— Куда ты?

— Позвоню Саше. Он заберёт меня из Каменска.

— Сейчас? Ему два часа ехать.

— Полтора, если трасса чистая.

— Она не чистая.

— Значит, дольше.

— Катя, ты не поедешь ночью.

— Ты не можешь сначала отдать мою кровать, потом запретить мне уехать и назвать всё это заботой.

Елена взялась за перила. На языке уже были правильные слова: она беспокоится о дочери, она отвечает за безопасность, завтра всё обсудят. Катя услышала бы в них то же, что слышали пациенты, когда их просили ещё немного потерпеть в коридоре.

— Не звони Саше, — сказала Елена. — Я попрошу Михаила. Ты переночуешь у него. Он в десяти минутах.

— У дяди Миши диван в кухне.

— Зато тепло и вода есть.

— А утром он скажет, что предупреждал тебя.

— Скажет. Это можно пережить.

Катя вытерла нос варежкой и всё-таки улыбнулась. Но улыбка исчезла сразу.

Михаил приехал через пятнадцать минут. Он не вошёл в

дом, взял Катину сумку и поставил на заднее сиденье. Елене сказал только:

— Завтра привезу её после завтрака.

— Я сама заберу.

— У тебя гостя.

Катя села в машину, прижимая к груди конверты и стеклянного зайца. Елена наклонилась к открытому окну.

— Я не хотела, чтобы так вышло.

— Знаю, — ответила дочь. — Ты никогда не хочешь. Оно само выходит, а потом все должны понять.

Михаил тронулся. Красные огни исчезли за поворотом.

В доме Раиса Тимофеевна стояла в передней уже в пальто.

— Я виновата, — сказала она. — Не надо было приходить.

— Вы не виноваты. Вам негде ночевать.

— Девушке тоже теперь негде.

— Она у дяди. Там ей удобно.

— Не удобно. Просто вы знаете тех, кто её примет.

Елена сняла с женщины пальто и повесила обратно. Потом включила чайник. Раиса Тимофеевна села за стол, но от ужина отказалась.

— У меня дочь в Твери, — сказала она. — Я ей не говорю про лечение. У неё двое маленьких. Позови — приедет, а потом с работы выгонят. Я думала, у вас тут всё устроено.

— Ничего не устроено.

— Теперь вижу.

В задней комнате Елена застелила кровать свежим бе-

лём. Стеклянного зайца на подоконнике не было. Остался чистый прямоугольник в пыли, которую они не заметили утром.

Раиса Тимофеевна легла рано. Перед сном сама измерила давление своим аппаратом и показала цифры. Елена кивнула, хотя решила не превращать дом в процедурную. Потом проверила, заряжен ли телефон, и оставила ночник в коридоре.

Она легла на раскладушке у печки. Ватное одеяло пахло дымом. За стеной гостя долго ворочалась, стараясь делать это тихо. Елена открыла переписку с Катей. Последнее сообщение было отправлено утром: «Комнату подготовила». Под ним стояла фотография стеклянного зайца на пустом подоконнике.

Елена написала: «Прости». Стерла. Написала: «Завтра всё обсудим». Стерла и это. Наконец спросила: «Доехали?»

Ответил Михаил: «У меня. Спит».

Утром он приехал один. Привёз термос и пакет с Катиной одеждой, которую она оставила.

— Где Катя?

— Уехала первой маршруткой в область.

— Почему не разбудил меня?

— Она просила не будить.

— Она не позвонила.

— Потому что не хочет ещё раз обсуждать, кому нужнее кровать.

Елена поставила термос на стол.

— Ты привёз вещи и теперь будешь читать мне лекцию?

— Нет. Я заберу Раису Тимофеевну к автобусу. Водитель подождёт после процедуры десять минут, я договорился. На следующие два дня её поставят первой.

— Значит, решение нашлось.

— На два дня и для одного человека. Потому что я попросил водителя выйти раньше, а он согласился. Не расписание, не система. Личная услуга.

— Зато она уедет.

— Уедет. А Катя уже уехала.

Раиса Тимофеевна вышла из комнаты одетая. Поблагодарила Елену и положила на стол тысячу рублей. Елена вернула купюру в её сумку.

— Больше никому не говорите, что здесь можно ночевать.

— Не скажу.

— Семёну Петровичу тоже передайте.

— Передам.

Женщина помедлила.

— Только ведь, если спросят, где я была, что отвечать?

— В гостях у Елены Ворониной.

— Мы до вчера не были знакомы.

— Теперь знакомы.

Раиса Тимофеевна посмотрела на неё внимательно, но спорить не стала.

Когда машина Михаила уехала, Елена вошла в заднюю

комнату. Кровать была аккуратно заправлена. На тумбочке лежала сложенная записка: «Спасибо Кате за место». Раиса Тимофеевна не знала фамилии дочери и всё равно поняла, кому принадлежала комната.

Елена сфотографировала записку, но не отправила. Сняла бельё, свернула его и положила в корзину. Потом принесла из проходной железную кровать и начала откручивать спинку. Работа не имела смысла: новая кровать за один день не появится, Катя в ближайшее время не приедет. Но Елена продолжала, пока не сорвала резьбу на старом болте.

Телефон зазвонил. На экране было имя дочери.

— Ты добралась? — спросила Елена.

— Да.

— Почему не разбудила?

— Потому что ты спала после ночи рядом с пациенткой.

— Она не пациентка в доме.

— Хорошо. После ночи рядом с незнакомой женщиной.

Елена села на пол возле разобранной кровати.

— Я поступила неправильно.

— Что именно?

Вопрос оказался труднее извинения.

— Пообещала комнату и отдала её в тот же день.

— Не только.

— Отправила тебя к Михаилу.

— Не только.

Елена посмотрела на чистый прямоугольник на подокон-

нике.

— Сделала так, будто ты должна либо согласиться, либо выгнать Раису Тимофеевну сама.

Катя молчала несколько секунд.

— Вот это, — сказала она. — Я не хочу больше выбирать между тем, чтобы быть хорошей дочерью, и тем, чтобы попросить место рядом с тобой.

— Я освобожу комнату. Поставлю нормальную кровать. Никого больше туда не положу.

— Мама, дело уже не в комнате.

— А в чём?

— В том, что ты опять обещаешь предмет вместо поступка.

Связь на мгновение пропала. Елена прижала телефон к уху и слышала шум дороги на другом конце.

— Какой поступок тебе нужен? — спросила она.

— Пока никакой. Просто не решай за меня, что я пойму и потерплю.

— Хорошо.

— И не приезжай в выходные. Мы с Сашей хотим побыть вдвоём.

Елена собиралась привезти им Варварино одеяло и банки варенья. Они этого не обсуждали, но она уже отложила всё в пакет.

— Хорошо, — повторила она.

После разговора Елена вынесла из задней комнаты все за-

пасные одеяла и подписанные кружки. На дверь приклеила лист: «Личная комната. Не для ночлега». Написанное выглядело нелепо, словно запрет был нужен не посетителям, а хозяйке.

Она закрыла дверь на обычную щеколду. Ключа у щеколды не было. Любой человек внутри дома мог открыть её одним движением.

Через дорогу в окне процедурной появилась Лида и помахала рукой, подзывая на смену. Елена надела халат, взяла транспортную тетрадь и вышла. У калитки она обернулась. Заднее окно было тёмным. Впервые дом потерял не постояльца, а человека, который имел право считать себя здесь своей.

Глава 6. Тетрадь Варвары

Тетрадь нашлась не в письменном столе, а в духовке старой плиты. Елена искала противень для пирога, который обещала принести на работу, и увидела за чугунной дверцей свёрток в клеёнке. Варвара прятала там документы ещё при живом муже: плита была отключена от трубы, но чужие люди об этом не знали.

В свёртке лежали домовая книга, квитанции за газ, две сберегательные книжки и толстая тетрадь в синей обложке. Первые страницы начинались двенадцать лет назад. Варвара записывала дату, имя, село, причину приезда и то, чем человек расплатился. Деньги встречались редко. Чаше стояло: яйца, картошка, банка грибов, дрова, подвезти до кладбища. Иногда — ничего.

Елена села за кухонный стол. Пирог остался без противня.
«14 ноября. Пугачёв Илья, после снимка. Автобус ушёл. Ночью кашлял, утром лучше. Оставил шарф».

«3 декабря. Галина из Прудков с дочерью. Девочке шесть. На обследование. Спали вдвоём, дать вторую подушку».
«18 января. Никого. Впервые за две недели».

Последняя запись была подчёркнута. Рядом Варвара поставила маленький крестик, словно отметила не отдых, а пропуск.

Дальше почерк становился мельче. На полях появлялись

хозяйственные расчёты: газ, вода, порошок, новые простыни. Варвара не складывала расходы, только записывала. Елена взяла калькулятор и посчитала один зимний месяц. Получилось почти четыре тысячи без еды и дров. В то время пенсия Варвары была около пятнадцати.

На обороте страницы стояли телефоны родных. Возле некоторых — пометки: «не звонить после десяти», «сын сердится», «сама не знает», «телефон соседки». Варвара знала не только болезни постояльцев, но и то, кому их существование мешало.

Елена листала до полудня. За один год в доме ночевали сто восемьдесят семь раз. Это не означало сто восемьдесят семь человек: Пугачёв приезжал шесть раз, Анна Семёновна — четыре, женщина из Заборья с ребёнком жила три ночи подряд. Но почти половину года хотя бы одна кровать была занята.

В календаре на стене Варвара обводила дни приёма областных врачей. Теперь Елена поняла зачем. В такие дни она заранее стирала бельё и варила большую кастрюлю супа.

Телефон зазвонил, когда Елена дошла до записей шестилетней давности. Звонила Светлана, бывшая фельдшерица из Заборья.

— Слышала, ты Раису приняла, — сказала она без приветствия.

— Кто сказал?

— Она сама утром позвонила. Благодарила.

— Я просила не рассказывать.

— Она мне рассказала, не всему селу.

— У вас новости на одного человека не задерживаются.

Светлана не обиделась.

— У Вари должна быть синяя тетрадь. Нашла?

Елена положила ладонь на обложку.

— Нашла.

— Не выбрасывай. Там телефоны, кто одинокий, кто с родственниками. Полезная вещь.

— Для чего полезная?

— Мало ли. Если человек не приехал на приём, можно узнать, жив ли.

— Это должна делать регистратура или фельдшер.

— Должна. Только у нас фельдшер два села держит, а регистратура звонит на старые номера. Варя знала настоящие.

— Откуда?

— Спрашивала.

На одной странице Елена заметила имя Светланы. Рядом было написано: «Привезла Клавдию в 22:10. Сама не осталась. Утром смена». Ни упрёка, ни оправдания.

— Ты часто привозила людей ночью? — спросила Елена.

— Когда иначе нельзя было.

— А оставалась с ними?

— Если тяжёлый, не везла к Варе. Если мог сам ходить, зачем мне оставаться? Я утром на работе нужна.

— А Варя утром никому не была нужна?

Светлана помолчала.

— Она сама соглашалась.

— Каждый раз?

— Лена, чего ты от меня хочешь? Чтобы я через шесть лет признала, что пользовалась старухой?

— Я хочу понять, как это было устроено.

— Никак. В том и дело. Люди помогали друг другу. Кто молоко нес, кто снег чистил, кто бельё забирал. Ты сама там бывала.

Елена бывала. Привозила Варваре лекарства, мыла окна весной, меняла шторы. Иногда заставляла постояльцев и здоровалась. Ни разу не спросила, сколько ночей тётя спала подряд без чужого кашля за стеной.

— Почему она держала тетрадь в духовке?

— Потому что не хотела, чтобы читали. Значит, и ты не всё читай.

Светлана закончила разговор первой.

Елена закрыла тетрадь, но через минуту открыла снова. Частная запись умершего человека не давала разрешения, однако в книге могли быть сведения о долгах, лекарствах и вещах, которые нужно вернуть. Так она объяснила себе чтение.

Между страницами выпала открытка. На лицевой стороне — блестящие ромашки, внутри крупно: «Дорогой Варваре Сергеевне от благодарных жителей Верхних Лугов». Подписи занимали обе половины. Елена узнала фамилии из тетра-

ди. Внизу сельская администрация благодарила за доброту и неравнодушие.

Открытка была датирована мартом, через неделю после записи: «Не поехала к Кате на день рождения. Двое после капельниц, оставить некому».

Елене тогда исполнилось сорок четыре, Кате — двадцать два. Они отмечали в областном кафе. Варвара позвонила и сказала, что простыла. Елена поверила и посоветовала лежать, пить чай, не выходить. В доме в ту ночь спали двое чужих людей.

Она позвонила Кате. Дочь не ответила. Елена не стала звонить второй раз.

После обеда пришёл Александр Петрович с банкой мёда. Новый ключ ему не дали, поэтому он нажал кнопку и ждал у двери.

— Правильно, что поменяли, — сказал он, войдя. — А то мало ли кто зайдёт.

— Вы входили своим ключом.

— Я сосед. Если трубу прорвёт, кто увидит?

— Теперь позвоните мне.

Александр поставил мёд на стол и заметил тетрадь.

— Учёт нашла. Варя всё писала.

— Вы знали, сколько людей здесь ночует?

— Примерно. Зимой больше.

— В позапрошлом январе — двадцать три ночи.

— Возможно.

— А она когда отдыхала?

— Летом. Летом автобусы лучше ходили.

— В июле здесь было двенадцать ночёвок.

Александр сел, снял шапку и повертел её в руках.

— Варя любила людей.

— Любить можно днём.

— Она одна жила. Ей веселее.

— Она вам говорила?

— Что?

— Что ей веселее.

Сосед посмотрел в окно.

— Не жаловалась.

Елена перелистнула несколько страниц и нашла его фамилию. Александр колол дрова, чинил калитку, менял кран. Напротив каждого дела Варвара ставила галочку.

— Вы много помогали.

— Конечно. Не бесплатно же всё на неё вешать.

— А ночевали вместо неё хоть раз?

— Я мужчина. К женщинам меня не положишь.

— Когда мужчины ночевали?

— У меня жена тогда была жива. Не пустила бы.

Он сказал это без стыда, как природное условие: жена не пускала, Варвара пускала, поэтому каждый нёс то, что мог. Только возможность отказаться почему-то тоже распределилась не поровну.

— Заберите мёд, — сказала Елена.

— Почему?

— За Раису Тимофеевну я ничего не беру.

— Это не за неё. Просто мёд.

— В прошлый раз картошка была просто картошкой и оказалась в процедурной.

Александр подвинул банку ближе к себе, но не взял.

— Людям надо благодарить. Иначе они чувствуют себя нищими.

— Пусть благодарят тех, кто обязан решить проблему.

— Чиновнику банку мёда не понесёшь.

— Вот поэтому чиновник ничего и не замечает.

Сосед нахмурился.

— Варю все уважали.

— Я не сказала, что не уважали.

— Говоришь так, будто мы её умили.

Елена закрыла тетрадь.

— От чего она умерла?

— Сердце. Ты лучше знаешь.

Варвара умерла после второго инфаркта. Первый перенесла на ногах и обратилась лишь через два дня. Елена тогда ругала её за упрямство. Варвара отвечала, что не могла оставить женщину после обследования одну. Елена решила, что тётя преувеличивает, чтобы не ехать в больницу.

Александр взял банку и встал.

— Не хочешь — не бери. Только из дома музей вины не делай. Здесь добро было.

— Было.

— Вот и помни.

Он ушёл с мёдом. Елена осталась у стола. От слов «здесь добро было» ей стало легче, и это испугало. Добро объясняло всё одной фразой: чужие ключи, ночной кашель, пропущенный день рождения, инфаркт через два дня. Если назвать это добром, считать больше не требовалось.

В тетради нашёлся отдельный разворот «Должны». Под словом шли не деньги, а обещания. Пугачёв — мешок цемента. Синицын — починить крышу до дождей. Света — две ночи в мае. Ковалёва — стирка. Миша — отвезти в область.

Напротив почти всех стояли галочки. «Света — две ночи в мае» оставалось без отметки. Ниже Варвара дописала: «Не просить, у неё внук заболел». «Миша — отвезти в область» было зачёркнуто, а рядом: «сама отказалась, люди приехали».

Михаил тогда предлагал отвезти тётю на обследование. Елена помнила его злость: машина стояла у крыльца, Варвара не вышла. Она сказала, что перепутала день. В тетради был другой ответ.

Елена сфотографировала строку и отправила брату. Он перезвонил сразу.

— Где это?

— В её тетради.

— Какого года?

— За год до первого инфаркта.

Михаил выругался тихо.

— Я тогда полдня отпросился. Начальник мне эту поездку месяц вспоминал.

— Она не перепутала.

— Вижу.

— Здесь много записей.

— Не читай мне всё по телефону.

— Приезжай после работы.

— Не хочу.

— Почему?

— Потому что она умерла. Отругать некого, исправить нельзя. Ты сейчас найдёшь двадцать доказательств, что все были неправы, а завтра откроешь ту же дверь следующему человеку.

— Я пытаюсь понять.

— Тогда посчитай не только ночёвки. Посчитай, где она не была.

Вечером Михаил всё-таки приехал. Привёз пирог из магазина, потому что Елена так и не испекла свой. Они пили чай молча. Тетрадь лежала между ними.

Михаил листал быстро, не задерживаясь на именах. На последней странице каждого месяца Варвара иногда записывала личные дела: парикмахерская, кладбище, рынок, Катин день рождения, обследование в области. Многие были перечёркнуты.

— Вот, — сказал он. — Двадцать седьмого июня собира-

лась к матери на кладбище. Не поехала.

— Дождь был.

— Здесь написано: «Мария после операции».

Он нашёл ещё несколько строк. Театр в области — билет сдан. Юбилей бывшей напарницы — не пошла. Санаторная путёвка — вернула. У каждой отмены было имя.

— Почему никто не заменял её? — спросила Елена.

— Потому что замена превращает помощь в работу. А работу надо делить, назначать и иногда оплачивать.

— Она могла попросить.

— Просила. Смотри разворот «Должны». Потом сама всех освободила.

— Значит, это был её выбор.

Михаил отодвинул чашку.

— Ты сейчас про неё или про себя?

— Про неё.

— Тогда не защищай одинаковыми словами.

Елена взяла тетрадь. На полях возле одной записи стояло: «Лена после смены принесла таблетки. Не говорить, что ночью опять болело сердце — будет ругать». Почерк был ровным, почти весёлым. Елена провела пальцем по строчке.

— Я не знала.

— Никто не знал всё. Каждый знал свой маленький кусок. Я — что её надо иногда возить. Ты — что у неё давление и сердце. Александр — что нужно колоть дрова. Света — кого можно привезти. Поэтому каждому казалось, что он помога-

ет. А она одна знала весь список.

На кухне стало слышно, как работает котёл. В трубе щёлкнул металл.

— Катя тебе звонила? — спросил Михаил.

— Да.

— Помирились?

— Она попросила не приезжать.

— Значит, не езд.

— Я и не собиралась.

Михаил посмотрел на пакет возле двери. Из него торчал край Варвариного одеяла.

— Конечно.

Елена убрала пакет в шкаф.

Они решили переписать из тетради только те номера, которые могли пригодиться больнице для связи с родственниками. Михаил диктовал, Елена записывала на отдельный лист. Потом остановились: передавать частные номера без согласия было нельзя. Даже полезная тетрадь не становилась общей только потому, что Варвара умерла.

— Спроси у людей, — сказал Михаил. — Кто хочет, сам даст контакт регистратуре.

— Для этого надо обзвонить всех.

— Не всех. Тех, кто сейчас ездит на процедуры. Остальные пусть живут без нашего учёта.

Елена положила лист в конверт и написала: «Не передавать».

На последних страницах записи редели. После первого инфаркта Варвара закрыла одну кровать, но вторую оставила. Появились фразы: «Только до семи», «Не могу ночью», «Пусть кто-нибудь другой». Рядом другим почерком иногда стояло: «Хорошо, Варенька», а ниже — новая фамилия и время приезда.

— Кто писал? — спросил Михаил.

— Похоже на Светлану.

В одном месте Варвара крупно написала: «ДВЕРЬ НЕ ОТКРЫВАТЬ ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА». Следующая запись была субботней: «Открыла. Куда ей было?»

Михаил закрыл тетрадь.

— Вот вся история.

— Какая?

— Дверь сама не открылась.

Перед уходом он забрал магазинный пирог, чтобы доесть дома. У калитки остановился.

— Тетрадь Кате не показывай без спроса.

— Почему?

— Потому что ты захочешь доказать, что повторяешь Варю не просто так. А Катя не обязана понимать тебя через чужую смерть.

Елена заперла дверь. Впервые после смены замка дважды проверила не то, закрыт ли дом от чужих, а не осталось ли кого внутри.

На следующий день в процедурной её ждала корзина с

продуктами. Раиса Тимофеевна передала с утренняя водителем яйца, сушёные яблоки и банку варенья. К корзине была привязана открытка: «Спасибо за добро».

Лида уже поставила яблоки к чайнику.

— Яйца поделим, — сказала она. — Варенье откроем сегодня.

Елена сняла открытку.

— Ничего не делим. Вернём через водителя.

— Раиса обидится.

— Пусть.

— Она не милостыню прислала. Благодарность.

— За что именно? За услугу больницы или за мою комнату?

Лида посмотрела на корзину.

— За то, что не ночевала на улице.

— Тогда администрация должна увидеть цену. Не только открытку.

Елена отнесла корзину Алле Борисовне. Заведующая прочитала записку и попросила оставить продукты в кабинете до конца дня.

— Вы хотите приложить их к служебной записке? — спросила она.

— Хочу написать, что пациенты платят продуктами за то, чего район не организовал.

— Это будет выглядеть так, будто вы брали плату.

— Я не брала.

— Тогда верните.

— Если просто вернуть, ничего не изменится.

Алла Борисовна пододвинула к себе транспортную тетрадь.

— Изменения начинаются не с красивой корзины. Нужны даты, назначения, время окончания процедуры, последний рейс и письменный отказ в размещении. У вас это есть?

— По Раисе — есть.

— Тогда пишем второй случай. Корзину возвращаем. Иначе обсуждать будут яйца, а не автобус.

Они составили акт в двух экземплярах. Сухие строки заняли половину страницы. Раиса Тимофеевна окончила процедуру в семнадцать десять. Последний рейс ушёл в шестнадцать сорок. Свободного места временного размещения не предоставили. Ночлег обеспечило частное лицо вне медицинской услуги. На следующий день перевозчик в разовом порядке задержал рейс.

Елена подписала документ. Ни Катиней комнаты, ни ночной ссоры, ни просьбы не приезжать в нём не было. Цена частного решения снова не помещалась в бумагу.

Водитель согласился забрать корзину, но предупредил, что яйца могут разбиться. Елена переложила их ветошью и вложила записку: «Раиса Тимофеевна, спасибо. Продукты оставьте себе. Ваш случай записан и передан администрации».

Открытку она не вернула. Положила её в синюю тетрадь

рядом со старой открыткой для Варвары. Две благодарности выглядели одинаково. Между ними лежали двенадцать лет чужих ночей.

Вечером Елена дописала на последней чистой странице: «Тетрадь закрыта. Дом не продолжает учёт пациентов». Поставила дату и подпись.

Потом завернула тетрадь в ту же клеёнку, но в духовку не убрала. Поставила на верхнюю полку шкафа рядом с семейными альбомами. Это была часть Варвариной жизни, а не инструкция следующей хозяйке.

Перед сном Елена открыла заднюю комнату. На двери всё ещё висел лист «Личная комната. Не для ночлега». Она сняла его: запрет не возвращал Кате право на место, если мать сама не умела держать слово.

Елена сфотографировала пустую комнату и отправила дочери без подписи. Ответа не было. Через час под фотографией появилась отметка о прочтении.

Этого оказалось мало, и впервые Елена не стала добавлять объяснение.

Глава 7. Дневной стационар

В понедельник на двери бывшего приёмного покоя появилась новая табличка. Белая, пластиковая, с синими буквами: «Дневной стационар. Время работы 8:00–18:00».

Елена пришла без десяти восемь и застала уборщицу Валентину на стремянке. Старая табличка «Приёмное отделение» лежала у стены лицом вниз. На обратной стороне темнели два засохших комка клея.

— Ровно? — спросила Валентина.

Елена отошла к противоположной стене.

— Левый край чуть ниже.

— Стена кривая. Если по уровню, глазу хуже.

Она нажала ладонью на угол. Табличка выпрямилась и снова поползла вниз.

— Восемь вечера нельзя было написать? — спросила Елена.

— Меня не спрашивали. Я бы вообще написала: до последнего больного.

— Последний больной может до утра сидеть.

— Раньше и сидел. Здесь же приёмный был.

Валентина слезла со стремянки, подняла старую табличку и понесла её в кладовую. На двери остался светлый прямоугольник, шире нового. Получалось, что дневной стационар занимал не всё место прежнего отделения, а только середи-

ну.

К восьми в коридоре сидели четырнадцать человек. Первые автобусы из сёл приходили слишком рано: из Верхних Лугов — в шесть пятьдесят, из Ключей — в семь десять. Люди привыкли ждать в вестибюле, пока охранник не откроет внутреннюю дверь. Теперь охранник пропускал их только после семи тридцати, но это правило знали не все. У радиатора стояли сумки, возле окна сохли мокрые следы.

Лида принесла из процедурной лист назначений.

— Три капельницы на девять, пять на десять, двое после одиннадцати. И Воробьёву врач ещё не посмотрел.

— Почему трое на девять, если они здесь с семи?

— Потому что доктор с восьми тридцати, а сначала обход.

— У нас теперь есть обход?

— Совещание так называли.

Елена взяла лист. В старом круглосуточном отделении утро начиналось с передачи смены. Ночная медсестра рассказывала о температуре, давлении, жалобах, о тех, кто не спал. Теперь передавать было некому. Пациенты каждое утро приходили с улицы, и сведения о ночи приносили сами — если считали нужным.

Анна Савельевна Воробьёва сидела у окна в тёмно-зелёном пальто. Ей было семьдесят два, она жила в Плотниках, в тридцати восьми километрах от Каменска. Елена знала её по прошлой зиме: после воспаления лёгких женщина лежала двенадцать дней, всё просила поставить стул ближе к окну и

считала машины скорой помощи.

— Вы почему не разделись? — спросила Елена.

— А куда пальто?

В коридоре стояла вешалка на шесть крючков. На ней уже висели куртки, поверх одной кто-то пристроил шерстяной платок. Гардероб круглосуточного корпуса закрыли вместе с палатами.

— Давайте мне. Повешу в сестринской.

— Потом забудешь, а я уеду.

— До отъезда ещё далеко.

Анна Савельевна посмотрела на неё внимательно.

— Вот этого я и боюсь.

По расписанию автобус в Плотники уходил в шестнадцать сорок. Капельница была назначена на одиннадцать, но перед ней требовался осмотр. Теоретически времени хватало. Елена записала на полях: «Плотники, 16:40».

В восемь тридцать Алла Борисовна собрала сотрудников в бывшей ординаторской. После сокращения там убрали один стол и поставили шкаф для расходных материалов. В комнате пахло картоном и свежей краской: на стене замазали место, где висел график ночных дежурств.

Главный врач Игорь Павлович пришёл с папкой. Он редко спускался в отделение до закрытия стационара, а теперь появлялся почти ежедневно, будто пустые палаты могли без присмотра снова наполниться.

— Коротко, — сказал он. — С сегодняшнего дня рабо-

таем строго в рамках дневного пребывания. Приём с восьми, окончание процедур до восемнадцати, наблюдение после процедуры — по назначению, но не позднее девятнадцати. После девятнадцати пациентов в корпусе быть не должно.

— А если капельница закончилась в восемнадцать двадцать? — спросила Лида.

— Значит, назначать её надо раньше.

— Врач принимает до обеда. Бывает очередь.

— Для этого заведующая регулирует поток.

Алла Борисовна ничего не записала. Елена видела, как та прижала большим пальцем угол журнала.

Главврач продолжил:

— При ухудшении состояния вызывается скорая, пациент направляется в межрайонный или областной стационар. Оставлять на ночь здесь нельзя. Матрасы из свободных палат будут вывезены в среду. Посты ночью не охраняются, кислородная разводка опечатана, пищеблок не работает.

— Куда вывезут матрасы? — спросила Валентина.

— Это не относится к вашей работе.

— Я их таскать буду, вот и относится.

Игорь Павлович пропустил замечание.

— И ещё. Поступила информация, что сотрудники предлагают пациентам частный ночлег через дорогу.

Никто не повернул головы к Елене, и от этого она почувствовала себя заметнее.

— Не сотрудники, — сказала она. — Я один раз пустила

женщину в свой дом.

— Не один, — тихо сказал главврач. — У нас два оформленных случая.

— Дом мой. Я была не на смене.

— Пациент узнал адрес в отделении?

Елена не ответила сразу. Раиса узнала от Семёна, Семён — потому что Елена сама отвела его после процедуры. Адрес переходил из уст в уста без участия больницы, но начался именно здесь.

— Первый пациент ушёл со мной после смены.

— В форме?

Елена вспомнила белый халат под курткой.

— Да.

— Тогда для него вы оставались медработником. С сегодняшнего дня запрещаю всем сотрудникам предлагать, обещать или рекомендовать жильё от имени учреждения. Никаких записок с адресами, никаких списков хозяев, никаких устных гарантий, что человека где-то примут. Мы не проверяли эти помещения и не можем отвечать за них.

Лида подняла руку, словно на уроке.

— А гостиницу можно назвать?

— Можно дать общедоступный телефон гостиницы без обещания места. Вопрос оплаты пациент решает сам.

— Там две тысячи за ночь, — сказала Валентина. — У половины пенсия пятнадцать.

— Я не устанавливаю цену гостиницы.

— А если человеку некуда идти? — спросила Елена.

Игорь Павлович посмотрел на неё поверх очков.

— Тогда вы фиксируете случай и ставите в известность заведующую. При медицинских показаниях вызываете скорую. При транспортной проблеме пациент обращается к перевозчику или в администрацию района.

— Автобусная диспетчерская не выдаёт кровати.

— Больница тоже больше не выдаёт.

Эта фраза прозвучала слишком ровно. Елена увидела за стеной шесть пустых палат, в каждой по три кровати, и с трудом удержалась от ответа. Кровати были, их не выдавали. Дежурных не было, кухни не было, разрешения не было — но взгляд упирался прежде всего в кровати.

Алла Борисовна закрыла журнал.

— Нам нужен письменный порядок, куда обращаться после окончания процедур.

— Подготовьте памятку, — сказал главврач. — Скорая, диспетчерская, гостиница, социальная служба. Согласуйте со мной.

— Социальная служба до пяти, — заметила Елена.

— Значит, укажите часы.

Совещание закончилось. Игорь Павлович попросил Елену остаться.

Когда дверь закрылась, он сел на край стола.

— Вы хорошая медсестра, Елена Викторовна. Поэтому говорю без комиссии. Не превращайте дом родственницы в

продолжение отделения.

— Он не продолжение.

— Тогда почему о нём знают пациенты?

— Потому что Варвара пускала их много лет.

— А теперь пускаете вы.

— Двоих.

— Для района достаточно двоих, чтобы считать место открытым. Вы сами это знаете.

Елена знала. Раиса приехала уже не просить, а заселяться.

— Что мне было делать с Семёном Петровичем?

— Зафиксировать невозможность отъезда и позвонить заведующей.

— Она не создаст автобус звонком.

— Нет. Но тогда останется документ, что решение должна искать организация. Вы забрали человека домой, и для нас проблема исчезла.

— Для него она тоже исчезла.

— На одну ночь. Если бы он упал у вас в уборной, чья это была бы проблема?

Елена вспомнила узкий проход между кроватью и шкафом. Семён ночью вставал дважды. Она включала свет и слушала шаги из соседней комнаты.

— Моя, — сказала она.

— Вот именно. Вы приняли ответственность, которую не могли обеспечить. Не потому, что плохо к нему относились. Потому, что одного хорошего отношения мало.

Он встал, взял папку.

— Я не запрещаю вам приглашать гостей. Я запрещаю использовать должность, чтобы направлять пациентов в частный дом. Граница простая.

Елена посмотрела на новую табличку через открытую дверь. До восемнадцати. Наблюдение до девятнадцати. После — гости.

— Простая, — повторила она.

Первую капельницу Анне Савельевне поставили только в двенадцать двадцать. Врач задержался на экстренной консультации в поликлинике, потом попросил пересдать кровь. Раствор шёл медленно: вена была тонкая, женщина жаловалась на жжение. Елена уменьшила скорость.

— Автобус успею? — спросила Анна Савельевна.

— Капельница закончится около трёх.

— А посидеть после неё?

— Полчаса обязательно.

— До остановки двадцать минут. Значит, успею.

Елена не стала обещать. В два часа в отделении отключили воду. Валентина ходила с двумя вёдрами из соседнего корпуса, пациенты просились в туалет, а санузел без бачка закрыли. Процедуры приостановили на сорок минут.

Анна Савельевна сняла пальто с подоконника и положила себе на колени.

— Я тогда потороплюсь, — сказала она.

— С иглой не поторопитесь.

— Можно остаток не докапывать.

— Нельзя.

— Раньше ночевать оставляли, если поздно.

— Теперь стационар дневной.

— Табличку видела. Мне от неё до Плотников не ближе.

Вода вернулась в три десять. Капельницу закончили без двадцати четыре. Анна Савельевна посидела десять минут и начала застёгивать пальто.

— Ещё двадцать минут, — сказала Елена.

— До автобуса час.

— Давление сначала измерим.

Оно оказалось ниже обычного. Елена уложила женщину на кушетку, подняла ножной конец и принесла воды. Через пятнадцать минут стало лучше, но выпускать её одну не хотелось.

— Позвоните кому-нибудь в Плотниках, — предложила Лида. — Пусть встретят на остановке.

— Кому? — спросила Анна Савельевна. — Соседка сама с палкой. Сын в Тюмени.

В тетради Варвары возле её фамилии стоял номер племянницы. Елена помнила последние четыре цифры. Тетрадь лежала в доме через дорогу, на верхней полке. Можно было перейти, взять номер, позвонить. Но они с Михаилом решили не превращать записи умершей женщины в справочную службу.

— В регистратуре есть контакт? — спросила она Лиду.

В карте нашли только старый домашний номер. Он не отвечал.

В шестнадцать десятых давление выровнялось. До остановки быстрым шагом было двенадцать минут, но Анна Савельевна быстро не ходила.

— Я провожу, — сказала Елена.

Алла Борисовна слышала.

— Вы на смене до восьми.

— До восьми здесь никого не останется.

— Осталось шесть пациентов.

Лида предложила проводить, но у неё заканчивалась вторая капельница и начиналась третья. Санитарка меняла воду после аварии. Водителя у больницы больше не было: служебную «Ниву» передали поликлинике и выдавали только по заявке за сутки.

Елена позвонила Михаилу.

— Автобус на Плотники можно задержать на пять минут?

— Где пассажир?

— В стационаре. Мы сейчас выведем.

— Водитель после Плотников идёт на школьный рейс из Сосновки. Пять минут у него есть, больше нет.

— Сделай семь.

— Пять, Лена.

Она положила трубку, помогла Анне Савельевне надеть пальто и повела к выходу. Алла Борисовна встала в дверях.

— Я не могу отпустить вас с рабочего места.

— Тогда отпустите Валентину.

— Валентина не отвечает за состояние пациентки.

— На остановке она не пациентка?

— После выписки — нет.

Они обе замолчали. Формально граница проходила по подписи в журнале и по дверному проёму. Давление не знало этой границы.

Алла Борисовна сняла с вешалки своё пальто.

— Я доведу. Вы оставайтесь.

Анна Савельевна запротестовала, но заведующая уже взяла её сумку. Они вышли. Елена смотрела из окна, как две женщины медленно пересекают двор. В шестнадцать сорок пять Михаил прислал одно слово: «Уехали».

В транспортной тетради Елена записала время процедуры, падение давления, отсутствие больничной машины и задержку рейса на пять минут. В графе «решение» написала: «Заведующая проводила пешком».

Это выглядело не решением, а случайным наличием у заведующей тёплого пальто и свободных двадцати минут.

После шести осталось трое. Николай Сергеевич ждал сына из соседнего района, Марина Петровна — такси, а Василий Громов из Верхних Лугов не знал, на чём уедет. Его процедура закончилась в семнадцать сорок. Последний автобус ушёл в шестнадцать пятьдесят.

— Мне говорили, до шести управимся, — сказал он.

— До шести и управились.

— А дальше?

Елена дала ему телефон диспетчерской. Михаил ответил, выслушал, назвал рейс до поворота на Верхние Луги в девятнадцать двадцать.

— От поворота девять километров, — сказал Василий.

— Может, кто-то встретит?

— Жена не водит. Сосед сегодня пьёт, я ему машину не доверю.

Гостиница сообщила, что свободный одноместный номер стоит две тысячи двести рублей. Василий достал кошелёк и пересчитал деньги. После покупки лекарств у него оставалось восемьсот тридцать.

Социальная служба не отвечала. Районная администрация переключила звонок на дежурного, дежурный посоветовал обратиться в больницу.

— Я уже в больнице, — сказал Василий и протянул телефон Елене.

Дежурный повторил совет ей. Елена объяснила, что круглосуточных коек нет.

— Но здание-то работает? — спросил мужчина.

— До семи.

— Пусть посидит до первого автобуса.

— Ночью здесь нет сотрудников и охраны поста.

— Тогда не знаю. Оставьте номер, утром передам специалисту.

Елена записала фамилию дежурного. Василий сидел на

краю кушетки, держа сумку между коленями. На нём была тонкая куртка. Ночью обещали минус четыре.

В без пятнадцати семь Игорь Павлович снова спустился в отделение. Алла Борисовна перечислила звонки и положила перед ним запись.

— Медицинских показаний для госпитализации нет, — сказал он.

— Нет, — согласилась Елена.

— Тогда это транспортный вопрос.

— Транспорт считает, что рейсов нет. Администрация управляет к нам.

— Завтра направлю письмо.

Василий поднял голову.

— А сегодня мне куда?

Главврач повернулся к нему.

— Будем искать попутную машину.

Он позвонил заведующему хозяйством, затем водителю скорой. Скорая не могла везти человека без вызова. Хозяйственная машина стояла без зимней резины. В поликлинике оставался врач из Верхних Лугов, но он приехал с утра на автобусе.

В семь Алла Борисовна закрыла журнал. Формально наблюдение закончилось. Василий всё ещё сидел на кушетке.

Елена сняла халат и повесила в шкаф. Под ним был серый свитер. Она стала частным человеком на глазах у главврача — так же просто, как отделение стало дневным после замены

таблички.

— Василий Иванович, — сказала она, — у меня есть дом напротив. Там можно дожидаться утра.

Алла Борисовна резко посмотрела на неё.

— Елена.

— Я закончила смену.

— Он наш пациент.

— Уже нет. Журнал закрыт.

Игорь Павлович снял очки.

— Вы сейчас делаете ровно то, о чём мы говорили утром.

— Нет. Утром вы запретили направлять от имени больницы. Я приглашаю человека лично.

— Вы познакомились с ним как медсестра.

— Я не могу этого отменить.

— Тогда и снять халат недостаточно.

Василий встал.

— Не ругайтесь. Я на автостанции посижу.

— Автостанцию закрывают в восемь, — сказала Елена.

— На крыльце тогда.

Елена представила стеклянное крыльцо, железную скамью и ночь до шести утра. Дом стоял в ста шагах. В нём работал котёл, задняя комната была пуста.

— Пойдёмте, — сказала она.

Главврач не мог запретить ей открыть собственную дверь. Он только попросил Аллу Борисовну сделать ещё одну запись: сотрудник после окончания смены предложил пациен-

ту частное размещение.

— Напишите, что больница, перевозчик, гостиница и администрация решения не дали, — сказала Елена.

— Напишем всё, — ответила заведующая.

На улице Василий шёл рядом, не отставая. Оказалось, он не нуждался в поддержке и хорошо ориентировался. Его проблема состояла не в слабости, а в девяти километрах тёмной дороги после последнего рейса.

У калитки он остановился.

— Это Варварин дом?

— Теперь мой.

— Я здесь лет пять назад ночевал. После рентгена. У неё ещё коврик другой был.

Елена открыла дверь новым ключом.

— Здесь больше нет ночлега для пациентов.

Василий посмотрел на неё, потом на освещённую кухню.

— А я кто?

Утром главврач назвал границу простой. Елена могла ответить: гость. Слово уже было готово и почти всё решало. Гостю не нужны разрешение, дежурный пост и договор с больницей. Гость может лечь в Катиной комнате, поесть супа, уйти на первый автобус. Только Василий пришёл не к ней. Он приехал на процедуру и остался без транспорта. Они не знали друг друга до сегодняшнего дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.